

ГЛАВА 7

«В гостях у Сатаны»

Оставим Агафонова до следующего утра вместе с его портфелем, набитым деньгами, и вернёмся к необъяснимым происшествиям, всполошившим Козлодоевск, напоминавший в те дни разворощённую муравьиную кучу или потревоженный пчелиный улей. Горожане бегали, словно укушенные или ужаленные этими трудолюбивыми насекомыми. Один гражданин, бывший в то время в городе, иронично заметил:

– Все здесь носятся как угорелые, а точнее – как шилом ткнутые в одно место... И с чего бы у них такой «сыр-бор»?

Гражданина – и тоже с усмешкой – спросили:

– Вы не читали сегодняшнюю газету «Бизнес-Козл»? Нет? Ну, так прочтите в ней фельетон «В гостях у Сатаны». Оборжаться можно... Потому город и сходит с ума...

В то утро разносчики и продавцы газеты кричали поутру, срывая голоса:

– Читайте фельетон Агафонова! Сатанинский шабаш чиновников Козлодоевска в ресторане «Виола»! Покупайте «Бизнес-Козл»! Читайте фельетон Агафонова!

Под сатирической статьёй, загадочным образом появившейся в газете вместо рекламной заметки об открытии ресторана, стояла фамилия редактора Агафонова, ни слухом ни духом не ведавшего о фельетоне. Начинаясь она так:

«Праздничное открытие питейно-развлекательного заведения с помпой отмечали элитные гости. Самыми почётными среди всех были мэр города Потапенков, начальники управлений козлодоевской администрации, работники суда и прокуратуры, известные адвокаты, сотрудники полиции, налоговые и пожарные инспекторы, санитарные врачи, воротилы местного бизнеса и прочие... неуважаемые люди...» Дальше следовало такое, что у читателя сначала глаза лезли на лоб, потом он хватался за живот и начинал роготать неудержимым хохотом. Пока ничего не подозревавший Агафонов мял поутру диван, досматривая радужный сон, в его адрес летели проклятия и угрозы. Самыми «безобидными» были выражения типа: «Намылю холку», «Урою», «Закопаю», «Закатаю в бетон», «Размажу по стенке» и пожелание: «Чтоб ты под землю провалился!» Нетрудно догадаться, что ярое недовольство фельетоном проявляли козлодоевские важные персоны, перечисленные в его первых строках.

Можно лишь догадываться, как в ответ на звонки бывших друзей, в одночасье ставших недругами, проснувшийся утром Агафонов клятвенно божился, что не писал ничего подобного. Он уверял их, что в рекламной заметке о банкетном вечере в новом ресторане «Виола» не было ни одного бранного слова, порочащего козлодоевских руководителей... И он сам крайне удивлён, каким образом заурядная, вполне пристойная коротенькая заметка-информация рекламно-хвалебного толка превратилась в откровенно вульгарную сатирическую статью, далёкую от жанра фельетона. Не меньше редактора был потрясён неизвестно каким образом появившейся в газете сатирической статьёй дежурный по номеру литсотрудник Савелий Редькин. Он, как и шеф его, господин Агафонов, отказывался от напечатанного текста фельетона, уверял коллег, что самолично вычитывал заметку «В гостях у «Виолы»» и, как она превратилась в фельетон, понятия не имеет. Редькин бил себя в грудь, доказывал, разве что лишь не рвал на голове волосы.

– Да не было ничего такого в заметке об открытии ресторана «Виола»... Я же сам её вычитывал... Вот, ей-богу!

– Ну, ты даёшь, Редькин! Ещё и божишься... Вместе работаем, а ты скрыл от меня такой материал... Несolidно, коллега, – выговаривал Савелию завотделом «Криминальной хроники» Аристарх Фон-Гумилевич. Само собой, никто из руководящих деятелей, взбешённых неллицеприятной для них сатирической статьёй, не поверил оправданиям Агафонова, вскоре бесследно исчезнувшего. Досужие домохозяйки на кухнях поговаривали, что редактора городской газеты «Бизнес-Козл» отправили на «Левый берег», где, как известно, находится дом для сумасшедших. Насколько достоверны кухонные

источники информации, мы не знаем, но дальнейшие следы господина Агафонова на этом теряются... По истечении времени о много нашумевшем фельетоне мало-помалу козлодоевцы начали забывать, но о нём неожиданно напомнил некий пенсионер Аполлинарий Вальдемарович Булкин-Ананьев. Этот благообразный старикан и дотошный читатель местной прессы обратился к мировому судье с жалобой на... «Бизнес-Козл»! К своему заявлению пенсионер приложил пожелтевшую вырезку с вышеуказанным фельетоном. На её верхнем колонтитуле значилось: «... февраля 2013 года». (Число небрежно оборвано.) «Я не могу спокойно спать... В голову лезут всякие кошмары, – писал Булкин-Ананьев. – Мне видятся черти, бесы, вурдалаки, ведьмы, упыри и прочие отродья сатанинской нечисти... И все эти ужасные сновидения начались у меня после прочтения вредной для здоровья сатирической статьи Агафонова... Прошу, ваша честь, взыскать с борзописца сто тысяч рублей за причинённый мне моральный ущерб. К сему с почтением: Булкин-Ананьев». Судья Вшивкина, молодая дама в летах, изображённая в фельетоне голой бесстыдницей, танцующей на столе, сочла иск гражданина Булкина-Ананьева необоснованным и порекомендовала истцу обратиться к психиатру.

– Нет в городе такого ресторана... Агафонов выдумал всё, а стало быть, ни чертей, ни бесов тоже не было, – объяснила судья свой отказ. – Потому не могут они вам сниться... Наймите адвоката... Розенберга рекомендую... Ну, вы и сами должны понимать, что необходимо нести определённые расходы, чтобы выиграть это мудрёное дело...

С решением суда Булкин-Ананьев не согласился, пригрозил пойти «куда следует». Разгневанного пенсионера с его возмущённым голосом записывали на видеокамеры столпившиеся у здания суда репортёры.

– Что журналоги себе позволяют? – гремел Булкин-Ананьев. – Пугают честной народ чертями, Сатаной! Барабашки у них стучат... Домовые бродят... Привидения летают... А цены на услуги ЖКХ растут... Продукты дорожают... Статьи о Сатане печатают специально, чтобы отвлечь козлодоевцев от социальных проблем... Судьи взятки берут... – Тут Булкин-Ананьев примолк, словно лбом о стену стукнулся. Понял старый, что брякнул лишнего, но репортёры уже окружили его со всех сторон, суют диктофоны под нос.

– Судья Вшивкина вымогала у вас деньги? Сколько она просила за то, чтобы сорвать куш с газеты? Вы дали взятку? Дача взятки – уголовное преступление...

– Нет! Лично я не давал ей ничего, – поспешно ретировался Булкин-Ананьев, вырываясь из цепких лап репортёров. Отбежал подальше, отдуваясь, пробормотал:

– А и верно... Как я не догадался сразу, старый пень... Судья Вшивкина сделала намёк, что надо сунуть ей на лапу... Пообещать поделиться в случае выигранного дела... Пожадничал... Поскупился... А дал бы – дёрнули бы штраф с этой газетёнки... И дело бы я выиграл... Половину ей, половину мне... Факт моральной травмы, нанесённой мне статьёй, налицо... Она, как трещит башка... И чёртики всё пляшут перед глазами... Но ничего... Я покажу этим коррупционерам в мантиях! Подам на пересмотр дела в областной суд... Теперь я учёный... Не прогадаю... Запрошу вдвое больше за ущерб здоровью... А нет – дойду до верховного... Или обращусь в Гаагский... Денежки все любят...

Булкин-Ананьев вдруг вспомнил, что сгоряча не забрал у секретаря суда «вещественное доказательство» – вырезку из газеты с фельетоном «В гостях у Сатаны», выдранную им из библиотечной подшивки. Другой такой не найти: стала раритетом! Пенсионер расстроено махнул рукой, сплюнул с досады и повернул в сторону ближайшей закуской. Там несостоявшийся истец принял двести грамм «Фронтовой», доплёлся до квартиры на первом этаже «хрущёвки», не разувааясь и не раздеваясь, упал на тахту и тотчас захрапел. Булкину-Ананьеву приснилась ведьма: его жена, дородная баба с растрёпанными волосами, с красным от злости лицом, кричала на него, размахивала шваброй...

Откровенно говоря, очень уж любопытно было прочесть вышеупомянутую сатирическую статью, о которой столько разговору в Козлодоевске. Умолчим из понятных читателю соображений, каким образом мы стали обладателями потёртой на сгибах вырезки из «Бизнес-Козл», забытой в суде огорчённым пенсионером. От прочтения её нам стало не по себе. Неудивительно, что у Булкина-Ананьева «крыша поехала»... Первые строки фельетона вы прочли в начале этой главы. И вот как показаны в нём дальнейшие сцены...

«В просторный зал, украшенный феерическими картинами Ада, вошёл долговязый человек в маске змея-искусителя. Серебристая чешуйчатая ткань, обтянувшая его худое тело, напоминала узорчатую кожу питона.

– Уважаемые дамы и господа! – объявил человек-удав. – Сегодня на деньги налогоплательщиков, которые нам, как вы понимаете, тратить не жалко, мы торжественно открываем новый ресторан “Виола”. Наш праздник пройдёт в необычной обстановке. Представим в этот предвесенний вечер, что все мы чудесным образом перенеслись в преисподнюю, в геенну огненную, которой нас пугают церковники. – Посетители дружно аплодировали змею, как видно, исполнявшему обязанности ведущего. Или тамады...

– Итак, уважаемые дамы и господа... Сегодня вы приглашены на бал-маскарад... – Тут змей-тамада сделал выжидательную паузу и с диким визгом выкрикнул: – К его величеству Люциферу-Сатане-е! Ведь вы все – верные его слуги!

Громкие рукоплескания были ему ответом.

– Прошу, дорогие гости, надеть маски мракобесов и коварных ведьм, принять отвратительные образы для нашего весёлого маскарада... Пусть каждый выберет себе личину соответственно своему характеру и положению...

Послышались одобрительные смешки, нетерпеливые выкрики.

– Давай скорее сюда маску козла! Бе-е...

– А мне осла! И-а! И-а!

– Я буду петухом! Ку-ка-ре-ку-у!

– Хочу вон ту, с кудлатым париком ведьмы!

– Мне подойдёт маска жирной, тупорылой свиньи...

– Чур! Маску волка я первый ухватил! Она мне больше к лицу... Не нужно вживаться в образ...

У-у... Съем вас сейчас!

Официанты, наряженные баранами, качая закрученными рогами, суетливо разносили на подносах маскарадные костюмы: парики, маски, лохматые шкуры, пристяжные хвосты и копыта. На кухне, интерпретированной под геенну огненную, сверкало пламя газовой плиты. Над раскалёнными докрасна жаровнями висели головы, ноги и другие части разделанных бараньих и телячьих туш, символизируя растерзанных грешников. Повара, ряженные под вампиров, орудовали у печей, размахивая над собой огромными ножами и половниками. На разделочных столах, обильно политых свиной кровью, валялись куски мяса.

Вырядившись в чертей, в чёрных ангелов и прочих прислужников Люцифера-Сатаны, именитые гости расселись за богато накрытые столы, ломившиеся от яств и вин. Тамада-змея хлопнул в ладоши и громко крикнул:

– Его величество Люцифер-Сатана – царь мрака и тьмы, дух теней и с ним очаровательная царица бала!

Включаясь в игру, предложенную распорядителем бала, гости поднялись с кожаных кресел, покрытых алым бархатом, и дружно приветствовали извечного и лютого врага Бога – лукавого дьявола, роль которого искусно играл лысоватый хромоногий владелец ресторана “Виола”. Одетый в чёрный изысканный костюм-тройку с “бабочкой” на белоснежной сорочке, со старинным орденом на груди и с тростью под мышкой, дьявол нёс на голове рогатую маску плешивого козла. Пальцы его прикрывали копыта. Сзади торчал короткий облезлый хвост с кисточкой, перевязанный алой лентой. Он держал под руку полуобнажённую девицу в маске беззубой старухи-ведьмы. На плече её восседала ворона в мантии. Люцифер-Сатана и ведьма уселись на троны, за которыми стояли два лакея, изображавшие чёрных ангелов. Граф Сивопупов-Крымский, а это был, конечно, он, опёрся на трость и, поблёскивая платиновыми зубами, произнёс, ехидно улыбаясь:

– Добрый вечер, дамы и господа! Добро пожаловать в ад кромешный! Ешьте, пейте и веселитесь! Надеюсь, вам понравится в нашей преисподней, ибо все, кто продал душу дьяволу, становятся его приспешниками и верными слугами. Бросайте же в котлы с кипящим маслом боязливых грешников, поджаривайте им пятки! Они совершили гнусные деяния непреднамеренно, сгоряча, по глупости, без веры в Страшный суд. Бог не принял их в Рай, и они вечно будут испытывать мучительные страдания. Вас же, предавших Бога, грешивших умышленно и лукаво, вступивших в сговор со мной, я, Сатана, светоносный Люцифер, принимаю в число своих верноподданных, самых подлых и низких из людей, покинувших белый свет. Вы достойно представляете здесь дружный сонм взяточников, коррупционеров, лжецов, мошенников, воров, грабителей, убийц, клеветников, доносчиков, насильников, предателей, извращенцев, хулителей Бога. Приветствую вас в моём подземном царстве вечной тьмы и мракобесия!

В этот миг в зале погасли люстры, слышались щелчки зажигалок и на столах затрепетали огоньки свечей. Рогатые, хвостатые, длинноухие, клыкастые, свинорылые маски гостей фантастично качались в чуть мерцавшем свете, отбрасывая зловещие тени на стены, задрапированные тёмно-малиновым, под цвет крови, шёлком. Если бы в “Виолу” вошёл случайный посетитель, он, без сомнения, сошёл бы с ума, увидев за столами бляющих козлов, горляющих петухов, лающих собак, визжащих свиней, мычащих быков, удава, обвившего ствол искусственной пальмы. Официанты-бараны в буро-красных жилетах, надетых поверх овечьих шкур, вывернутых мехом наружу, сновали от столика к столику, подавали жаркое с дымящейся кровью и горячительные напитки, громко бляли и мотали свёрнутыми в кольца рогами. Случайного посетителя шокировал бы вид седого швейцара с волчьей головой. Его бы хватил удар от стоящего за стойкой осла-бармена или восседающего на троне козла с бокалом вина в копыте. Однако мордovorоты-охранники, дежурившие у входа в ресторан, закрыли двери “Виолы”, огородив их вывеской: “Ресторан закрыт на банкетное обслуживание”. Хозяин “Виолы” граф Сивопупов-Крымский щедро угощал гостей, сворой голодных псов пожирающих чёрную икру, заморские фрукты, жадно глыкающих многолетней выдержки коньяки. Опустошая бокал за бокалом, рюмка за рюмкой, гости всё больше входили в образы своих масок. Произносили хвалебные тосты дьяволу, били посуду, танцевали под бухающие удары оглушительной музыки, заглушающей визгливый голос певца, наряженного индюком. Неистово прыгая в пьяном угаре, танцоры-плясуны бодались рогами и, поддавшись всеобщему безумию, ржали, бляли, хрюкали, гоготали, крякали, выли по-волчьи.

Сатана-Люцифер, сидя на троне, поигрывал тростью. Блуждая по залу пристальным взглядом, он с презрением наблюдал за умопомрачительным сборищем хамов – вседержителей власти в городе. Хитромудрая улыбка не сходила с лукавого лица царя тьмы. Ещё бы! Все они напрочь отринули заповеди Христа и поддались соблазнам Люцифера. Теперь все они его слуги! Продажные твари, именующие себя господами, считающие себя важными персонами! Ничтожество! Скоро они покинут белый свет, смрадные тела их пожрут черви, а души нечестивцев спустятся в подземное царство теней, примут обличья тех, кого сегодня столь весело изображают. Но прежде лишатся постов, должностей, роскошных дворцов, богатств, денег, плачевно окончат дни свои. Кто-то из них получит длительный тюремный срок, кого-то бросят в болото в бочке с цементом, кому-то наденут петлю на шею, кого-то пристрелят, взорвут, отравят, толкнут под поезд. Разные судьбы ожидают гостей “Виолы”, но нечестивые дорожки каждого из них сойдутся в одном месте – в Аду! Сатана-Люцифер граф Сивопупов-Крымский знал это и снисходительно улыбался гостям-лицедеям, с лживым подобострастием и с притворной лестью провозглашавшим задравные тосты в его честь. Люцифер с видимым удовольствием наслаждался куражом своих верноподданных слуг, готовых по первому его лукавому соблазну продать не только народ и отечество, но и мать родную. словно соревнуясь в признаниях, чиновники, силовики, бизнесмены болтливо бахвалились своими гнусными делами. Наперебой, стараясь перекричать друг друга, рассказывали про то, где и что украли, кого обманули, сколько денег вымогали у клиентов, кого убили, кого ограбили. Первым порывался поделиться непристойными делами мэр Потапенков. Растолкал крикунов, вскочил на стол, смахнул на пол тарелки, бокалы, пьяно объявил:

– Все думают, что избрали честного человека... А вот, фиг вам! Квартирку нехилую в Изумрудном дали, в Испанию скатался, “Лексус” мне подогнали и деньжат подбрасывают “братки” Голопузова... Я в долгу не остаюсь... Участки бизнесменам под строительство складов, баз, офисов, ресторанов, кафе, магазинов отвожу... Вот мой благодетель Голопузов может подтвердить, если не верите...

– Да... Подтверждаю... Потапенков – мой карманный мэр... С его помощью я себе такой шикарный дворец отгрохал на берегу Средиземного моря! Римским императорам не снился! – хвастал генеральный директор строительной компании “Вектор” Голопузов. – А как сумел? Да очень просто! Проектную стоимость на строительство трассы бобслея в три раза заввысил... Потапенков подписал... Навар – триста миллионов! А кому нужен в Козлодоевске бобслей? Сейчас там мой супермаркет... Да что там дворец! Застукал недавно свою молодуху с хахалем – охранником, обоих в бетон закатал под новой высоткой...

– Фи-и... Любобников замуровал! Подумаешь – триста миллионов наварил... Я с каждого призывника, не желающего служить в армии, беру по сто тысяч! – похвалялся военный комиссар полковник Дубов.

– А я на ремонте дорог полмиллиона умыкнул! – нетерпеливо перебил военкома начальник коммунального хозяйства Жабов. – Да ещё миллиончик на замене водопроводных труб... То есть я их и не менял... А по бумагам у меня всё новье!

– А я на продаже земельных участков, принадлежащих городу, состояние сколотил, – похвалился заместитель главы администрации Абдурахманов. – Эти участки ветеранам войны предназначались, да я сумел их за хорошие взятки местным олигархам сбазить...

– Кому киллер нужен? Убрать конкурента или богатого собственника – добро пожаловать в моё частное охранное предприятие “Щит и меч”! – распаялся начальник полиции полковник Протасов. – Недорого возьму...

– Кстати, деньги, что вы заграбастали на разных махинациях, отмывайте в моём банке “Альфа-Бэта”... – громко предлагал хозяин городского рынка Думбадзе. – Я создал несколько фиктивных фирм-однодневок, через них влёгкую перевожу деньги в офшор за рубеж... И всё шито-крыто!

– Ха-ха-ха... Знаю я про ваши тёмные делишки, – громко рассмеялся прокурор Недоносков. – Делиться со мной надо барышами, мужики... Вот начальник автобусного парка господин Колёсиков продал несколько городских автобусов, украл из бюджета сорок миллионов рублей и только условный срок получил... А мог бы в тюрьму загреметь или строгого режима лет эдак десять получить... А почему не получил? Да потому, что отвалил мне, судье Вишивкиной и адвокату Розенбергу по миллиону рублей! И не парится у параша, а продолжает рулить в своём ПАТП и дальше... Делиться надо, мужики... Вот тогда и будет всё шито-крыто.

Полумрак в зале, какофония звуков, кривлянье скотоподобных гостей “Виолы” и в самом деле больше напоминало преисподнюю, чем зал современного ресторана. Ближе к полуночи в “Виоле” начался беспредел.

Сами по себе задвигались столы и стулья, роняя на пол перебравших гостей. Со звоном разбивались тарелки, бокалы, графины.

Забыв о светских манерах и столовых приборах, пьяные посетители брали дорогие кушанья руками. Возможно, пользоваться ножом и вилок мешали длинные пластмассовые копыта, когти и перепонки, надетые на пальцы. Мэр Козлодоевска господин Потапенков, наряженный верблюдом, взгромоздился на пошатнувшийся под ним стол. Под одобрительный хохот столпившихся возле него дам, разодетых гусынями, курицами, утками, глава администрации сбрасывал с себя одежду, показывая стриптиз.

Потапенкова поддержала начальник управления образования Грызлова – стройная, красивая дама в маске лягушки. Не обращая внимания на окруживших её козлов и петухов, она неторопливо разделась и, к их удовольствию, начала изгибаться и крутиться вокруг бамбукового шеста. Глядя на Грызлову, судья Вишивкина, в маске глупой курицы, чуть от зависти не лопнула. Содрала с себя модное парижское платье, швырнула его под ноги и, кряхтя, полезла на стол. Выпятив большой живот, танцуя ламбаду, слуга Фемиды растоптала фрукты и, поскользнувшись на бананах, свалилась на “волка” – адвоката Розенберга. Главу города столкнул со стола пузатый прокурор Недоносков. Ему тоже захотелось обнажиться рядом с голой красавицей-стриптизёршей. Стол едва не рухнул под их ногами, но в тот самый момент, когда с прокурора упали необъёмно-широкие штаны, в красно-мордое лоснящееся лицо блюстителя законности неизвестно откуда прилетела обглоданная ножка индейки и больно ударила последнего в глаз. Недоносков, в маске осла, взревел и вправду по-ослиному, прыгнул со стола и нагишом, переворачивая кресла, двинулся по залу в поисках обидчика. Начальнику полиции, наряженному петухом, припечатался на лысину бифштекс с кровью. Голая судья Вишивкина-“курица”, возмущённая видом своего французского платья, затоптанного на грязном полу, громко кудахтала, выкрикивая нецензурные слова.

“Всё смешалось в доме Облонских...”

Перефразируя великого Л. Н. Толстого, можно сказать: всё смешалось в ресторане “Виола”. Гости пьяно сквернословили, рассказывали похабные анекдоты, не стесняясь, отправляли естественные надобности в зале, блевали, бросали в тарелки окурки, падали в салаты отяжелевшими головами. Многие свечи потухли, свет почему-то не включался, и в полутьме со всех углов и закоулков в бесноватых посетителей летели объедки, кости, огрызки яблок, банановая кожура, ананасовые и апельсиновые корки.

Каким-то образом в зале очутилось кухонное ведро с помоями. Ими тотчас окатили дамочку в собольей накидке на голых плечах и в маске овечки, судя по визгливому голосу – главврача санэпидстанции Агафоновой, жены редактора. Где-то в тёмных и пустых местах слышался громкий стук, раздавалось шарканье ног, обутых в тяжёлые сапоги.

– Это барабашки стучат... К нам на банкет просятся, – прокомментировал генеральный директор строительной компании, владелец сети супермаркетов олигарх Голопузов, с трудом поднимая голову, упавшую в салат “Оливье”. Еле ворочая языком, бизнесмен пробормотал, для убедительности погрозив пальцем: – Чу... Домовые бродят по залу... И привидения в белых одеяниях влетают в затворенные окна... Скажете – я шизофреник? Нет... Здесь реалисти-шоу... Всё в натуре...

После полуночи тех, кто не уткнулся, подобно Голопузову, рогами или клювами в тарелки с винегретами, постигла другая неприятность: их прохватил понос. Со страху ли, от чрезмерного поглощения обильной дармовой закуски или по злому умыслу нечистой силы добраться до туалета у гостей Сатаны не было никаких шансов. Многие не успевали сбросить брюки или задрать платья и обделывались с воплями ужаса. Прокурор Недоносов поскользнулся на жидком дерьме, упал, и на него не замедлил опорожниться начальник полиции полковник Протасов. Поглотили ногами на склизком паркете и кувыркнулись в вонючие лужи судья Вишивкина и адвокат Розенберг. Крики, шум, гам, возня, толчая у дверей... Вдруг вспыхнул свет, и все разом увидели себя в настоящем своём обличье, далёком от человеческого. Сбросив маски чертей, вурдалаков и ведьм, обгаженные гости кинулись к выходу из ресторана. Многие в панике выскочили на улицу нагишом. От большинства гостей Сатаны дурно пахло. Водители такси, зажимая носы, отказывались их везти. В лица обезумевших гуляк дул пронизывающий февральский ветерок. Белая позёмка неслась им навстречу. Больше всех той кошмарной ночью досталось местному олигарху Голопузову. В дорогом костюме оливкового цвета, в маске волка, облитый поносом налогового инспектора Барабулькина, он валялся у стойки бара, бессвязно бормоча какие-то одному ему ведомые ругательства.

К рассвету администратор, бармен, швейцар, официанты, повара, уборщицы и посудомойщицы, приняв свой обычный вид, навели в ресторане порядок. Так побывали в гостях у Люцифера наши именитые граждане, пожелавшие стать его слугами и приспешниками. Они показали лукавому дьяволу свои истинные лица, открыли ему свои подлые души».

Такую вырезку из газеты «Бизнес-Козл» прочли мы и только и могли вымолвить:

– М-да-а... Ни фигя себе! Ну, Агафонов, блин, даёт!

ГЛАВА 8

С мечтой о заводике

Агафонов не захотел расстаться с портфелем, набитым деньгами, и, как вы помните, остался ночевать в кабинете. Он позвонил жене и, сославшись на усталость, недомогание и необходимость поработать допоздна, предупредил, что домой не придёт.

– Знаешь, дорогая... Неважно себя чувствую... Над фельетоном просижую до полуночи, – заплетаящимся языком пробормотал редактор. Услышал в трубке ответное сердитое сопение супруги и поспешил порадовать её:

– Скоро, дорогая, мы с тобой будем греться на солнышке в Таиланде... Пальмы, ананасы, обезьяны, крокодилы...

Не стерпел, добавил развязно:

– А твой хахаль Разуваев сейчас видит небо в клеточку... Срок ему корячится... Лесоповал светит...

Разгневанная Эльвира Самуиловна, сожалея, что мужа нет рядом и она не может запустить в него сапогом, не дала договорить, «обласкала»:

– Неудачник! Ну и сиди в своей никчёмной редакции, чтобы глаза мои не видели твою алкашиную морду... Опять назюзюкался до умопомрачения? Обезьяны, крокодилы... Так выполняешь обещание наклеить обои? Трепло! Задрал несбыточными мечтами... Да кабы моя санэпидстанция не собирала дань за антисанитарию, на какие шиши мы бы строили загородный дом? На твои газетные гроши? Чтоб тебя черти и в самом деле забросили куда-нибудь в джунгли! Чтоб тебя там саламандра ужалила... Чтоб тебя там крокодил проглотил и не подавился!

Агафонов не стал дослушивать нелестные пожелания Эльвиры Самуиловны и отключил телефон. – Дура-баба... Если бы ты знала, как мы... Нет... Как я богат... Миллион! – укладываясь на диван, пробормотал Валентин Григорьевич. Он сбросил с ног зимние ботинки, снял провонявшие носки, подложил под голову толстый портфель с деньгами и с мыслями о собственном коньячном заводике забылся сладким сном...

Его разбудило хлопанье дверей в коридоре редакции. Пришли журналисты, рекламодатели, штатные авторы. Начинался обычный трудовой день с хлопотами и заботами, с успехами и неудачами, с радостями и горестями. И только для редактора «Бизнес-Козл» этот день был необычным: в это светлое, уже пахнущее весной февральское утро Валентин Григорьевич Агафонов проснулся... миллионером. Он резво вскочил, заглянул в портфель. Убедился, что деньги не приснились. Вот они, красненькие, радуют глаз банковскими обёртками, целёхонькие, не распечатанные...

Весело напевая марш тореадора, Агафонов затолкнул свой миллион в секретер и, не обуваясь, босиком, отправился в умывальник. Тщательно побрился, почистил зубы, умылся, пощипал на лицо розовой туалетной водой и, посвежевший, сел за письменный стол. Полный сил и вдохновения, он был готов творить, создавать, производить... Да, именно, производить... Потому что вчерашнюю страсть к написанию фельетона начисто вытеснили мечты о подпольном производстве самопального спиртного напитка с обманной этикеткой «Коньяк дагестанский».

– Ираида Карловна! Чаю! С лимоном! И покрепче! – крикнул редактор, услышав в приёмной голос секретаря.

– Доброе утро, Валентин Григорьевич! – входя со стаканом горячего чая и с двумя бутербродами, почтительно приветствовала его Ираида Карловна.

Агафонов кивнул в ответ, сухо поблагодарил за чай и бутерброды и стал перелистывать ненужные бумаги, делая вид, что очень занят. Секретарь, обиженно поджав губы, вышла. Агафонов, потеряв ладони, начал действовать. Миллион рублей, лежавший совсем рядом, в нижнем ящике секретера, воплотит в жизнь его мечту о собственном коньячном заводе. Крепко заваренный цейлонский чай бодрит, побуждал к чтению рукописной статейки. Ещё месяц назад, заброшенная в «долгий ящик», она так бы и провалялась в письменном столе, затерявшись среди кипы исписанных бумаг. Разыскать «творение» технолога винодельческого предприятия «Бухвалов и К» редактора подвигла, как мы уже знаем, благодатная мысль о собственном подпольном заводике по розливу самопального горячительного напитка, по крепости и цвету отдалённо напоминающего коньяк. О вкусовых качествах нелегального продукта говорить рано... Всё в перспективе... Главное, начать производство... Делов-то! Развести водой две-три бочки спирта-денатурата, закрасить «шило» пережаренной скорлупой кедрового ореха и корой дуба, всыпать в каждую из них по банке дешёвого кофе и настоять недельку-другую... Насобирать на свалке подходящих бутылок, слегка ополоснуть их, наклеить нарядные этикетки с надписями «Дагестанский». Коньяк пять звёздочек! Напиток богов! Фирма! Пейте и наслаждайтесь!

Мысль о возможности легко и быстро разбогатеть, рождённая этикеткой, содранной с бутылки настоящего дагестанского коньяка, заставила Агафопова перевернуть все ящики письменного стола, вытряхнуть из них бумажный хлам в поисках забытой там заметки.

Этикетка, отклеенная с бутылки, – настоящее произведение полиграфического искусства. С позолотой, с тиснёными на ней буквами и рисунками. Такую кустарным способом изготовить очень сложно. Потребуется дорогостоящее оборудование. Затраты на печатание этикеток обойдутся дороже самого «коньяка». Овчинка выделки не будет стоить. Совсем другое дело – штамповать наклейки в типографии. Но там обязательно заинтересуются: куда, зачем?

Настучат в налоговую инспекцию, в отдел по борьбе с экономическими преступлениями.

Ну а если их изготовление закажет винодельческое предприятие «Бухвалов и К» – никаких подозрений...

Найдя заметку, Агафонов бережно разгладил лист, торопливо пробежал глазами первые строки. Они начинались стихами великого Омара Хайяма:

Чуть ясной синевою взиграет день в окне,
Прозрачного вина желанна влага мне.
Раз принято считать, что истина горька,
Я вывод делаю, что истина – в вине.

Вино не только друг – вино мудрец:
С ним разногласьям, ересям – конец!
Вино – алхимик: превращает разом
В пыль золотую жизненный свинец.

Далее некая А. Разумнова, подписавшаяся под заметкой, прославляла вино «Солнцедар» на примере молодожёнов Ильиных, закупивших на свою свадьбу десять ящиков этого «превосходного, целебного вина». Агафонов вспомнил, что ещё по осени городскую больницу заполнили жертвы «Солнцедара», более известного козлодоевцам как «бормотуха». Выпивохы отравились недоброкачественным вином. Продажа его заметно снизилась. Хозяин винзавода Хмельницкий терпел колоссальные убытки. К тому же санитарные врачи пообещали и вовсе закрыть предприятие, приносящее до сих пор огромные барыши. С санэпидстанцией Хмельницкий легко договорился, ввалив её сотрудникам хорошие взятки, но престиж вина падал и требовалось принять меры к улучшению качества продукции. Сейчас бизнесмену как воздух нужна была срочная реабилитация в виде хвалебной рекламы, что и попыталась сделать технолог А. Разумнова. Попадись заметка на глаза днями раньше, Валентин Григорьевич, не раздумывая, швырнул бы сей рекламный опус в мусорную корзину. «Даже нерадивые ученики пишут школьные сочинения более объёмными и не таким корявым языком», – подумал редактор, но сейчас он мысленно благодарил себя за то, что не выбросил благоговейный труд бездарного автора, дающий шанс заказать на винзаводе тысячу... Да... Пока, на первый раз, тысячу этикеток... А там как масть пойдёт... Он даст в газете хвалебный репортаж о производстве «замечательного» вина, о новых технологических линиях, об импортном оборудовании и научных лабораториях... Правда, там ничего этого нет. И долго ещё не будет... Не такой щедрый господин Хмельницкий, чтобы тратить деньги на реконструкцию и без того доходного предприятия. Ему проще разливать в бутылки дешёвый «Солнцедар». Но кто знает о том, что ничего на винзаводе не переменялось? Любопытных, желающих сунуть нос в чан с вином, понюхать, попробовать, охрана, стоящая на проходной, не пропустит в цехи... Хозяин винодельческого завода Хмельницкий в благодарность отпечатывает наклейки для коньяка. Сколь хошь... Баш на баш... Ты – мне, я – тебе! Чувствуя, как с каждым глотком горячего чая из головы выходит хмель после выпитого вчера коньяка, редактор газеты «Бизнес-Козл» с особым прилежанием взялся за чтение заурядной заметки. Тонизирующие свойства натурального индийского чая никто отрицать не станет. Однако к творческой активности Агафопова в большей степени побудил портфель из крокодиловой кожи с миллионом рублей.

Редактор вновь вытащил его и, блаженно жмурясь, погрузил руки в тугие пакки, нюхал и ворошил их. Чтобы чувствовать близость миллиона, он поставил портфель между босых ног, сдвинул его пузатые бока ступнями, испуская вздохи счастья.

– Да... На эти денежки я развернусь... Возьму в аренду какой-нибудь скрытый от посторонних глаз складик... Найму рабочих-гастербайтеров... Они – молчуны, не сдадут... И дело не пойдёт, а покатит! А там, глядишь, сверну башку конкуренту – винзаводу с его вонючим «Солнцедаром»...

Размышляя вслух, Агафонов прихлёбывал чай и уже не так презрительно просматривал содержание рукописного листа, наполовину занятого строфами прославленного поэта Ближнего Востока. Его даже не смущало, что в наш век стремительных технологий А. Разуваева не удосужилась набрать текст на компьютере и распечатать его на принтере. Валентина Григорьевича абсолютно не смущала краткость её безликого пустого содержания, с одной избитой фразой: «Прекрасное вино «Солнцедар» гости на свадьбе пили с удовольствием».

«Ладно... Были бы кости... Мясо наростим», – любил повторять он, получая подобные «сочинения» читателей и нештатных авторов, которые те часто называли «рассказами», «очерками», «новеллами», но участь их была одна: мусорная корзина или, в лучшем случае, «долгий ящик» письменного стола.

С большой охотой редактор Агафонов давал «свет» платным рекламным объявлениям, не обращая внимания на робкие высказывания литературных сотрудников, что львиную долю в газете занимают не городские новости, а сведения о купле-продаже, обмене, услугах и других подобных сделках.

– Наша газета превратилась в рекламный еженедельник, – недовольно ворчали корреспонденты.

– Так у нас и название газеты вполне подходящее для такой цели... Надо же как-то выживать в условиях рыночной экономики, – объяснял Валентин Григорьевич и на деньги, вырученные от газетной рекламы, строил коттедж в Кудряшевском бору...

«Когда я раскручу миллион и стану владельцем огромного коньячного завода, не только коттедж – дворец отгрохаю... В Испании... Или нет... Лучше в Таиланде... Где-нибудь на берегу Сиамского залива... Там круглый год лето... Орхидеи, магнолии... Пальмы и бананы... По утрам – холодный сок манго... Коктейль с ананасом... И чёрт подери, пусть меня крокодил съест, если это будет не так!..»

– Бе-е... Бе-е... Бе-е, – раздалось за креслом.

Валентин Григорьевич крутнулся, но сзади никого не было. «Чертовщина какая-то», – подумал он, снова переносясь мечтами в сказочно-прекрасное королевство Таиланд.

От радужных мыслей Агафонова оторвал резкий телефонный звонок.

Валентин Григорьевич вальяжно, по-купечески взял трубку и в ужасе от неё отшатнулся: казалось, она разорвётся от громких воплей, истеричного крика, нецензурной брани и проклятий. Агафонов узнал голос мэра Потапенкова.

– Идиот! Как ты посмел перейти границу дозволенного?! Я терпел твои закидоны, пока ты не трогал меня и моих людей... Я семь шкур с тебя спущу и голым в Африку пущу! – орал Потапенков. – Да я тебя в пыль, в порошок сотру, с грязью смешаю... Ты на кого замахнулся, борзописец? Пипец тебе, понял? Чтоб тебя чёрт побрал!

Трубка запикала короткими гудками. Агафонов, ошарашенный спозаранку угрозами главы города, ничего не понимая, растерянно положил трубку, но телефон тотчас зазвонил снова. На этот раз трубка разразилась грубой бранью прокурора Недоносова.

– Свинья! Ублюдок! Жрал, пил у меня и такую пакость пишешь в своей парашной газетёнке! Это тебе даром не пройдёт, так и знай! Суши сухари! Или заказывай себе гроб с музыкой! Я покажу тебе, как с прокурора упали штаны!

Агафонов в страхе бросил трубку на рычаг, но телефон сразу зазвонил, и редактор уже не сомневался, что услышит очередную гадость в свой адрес, и не ошибся: звонил налоговый инспектор Барабулькин. Не стесняясь, тот крыл Агафонова отборными матами. Телефон не переставал звонить. Из трубки неслись ругательства, проклятия, угрозы.

– Ты знаешь кто? Конь в пальто! Тебя, недоноска, когда мать рожала, головкой о пол стукнула, да? Это когда я брал взятки с призывников? Ты видал? Доказать можешь? Да я тебя самого в шинель одену, в стройбат отправлю, в трибунал пойдёшь! – ревел в трубку военком Дубов. – Молчать! Смирно!

Напрасно редактор пытался объяснить, что ничего подобного в газету не давал. Ему никто не верил. В редакции оглушительно хлопали двери. Журналисты входили в свои кабинеты с диким хохотом.

– Ну, дал гари Валентин Григорьевич! – донеслось до Агафонова. – Всех на уши поставил! Силён шеф! Это ж надо, так смело пропесочил наших узаконенных жуликов! А на улице что творится! Читатели отрывают газеты у розничных торговцев с руками, уже весь тираж размели...

– Не сдобровать теперь нашим чиновникам-коррупционерам, взяточникам и ворам-бизнесменам... Областная прокуратура возьмётся за них... – сказал один из «литрабов».

Ему возразил другой:

– Взрослый человек, а в сказки веришь... В областной прокуратуре разве не взяточники? Там выше ставки... Каждый день по телевизору показывают жуликов-махинаторов, укравших миллионы и даже миллиарды.

– Эх, Сталина бы поднять... Он бы навёл порядок...

– Молодец Агафонов! Не побоялся...

– Да... В смелости ему не откажешь... Лихо завернул сюжет с рестораном, которого нет в городе...

Чувствуя, что творится что-то неладное, Валентин Григорьевич босиком подбежал к окну, выглянул на улицу и остолбенел: там, где вчера видел здание ресторана из стекла и бетона, по-прежнему уныло смотрел на мир обшарпанный «Хозмаг». И куда-то подевались острроверхие зелёные красавицы-ели...

Раздался лёгкий стук в дверь, и в кабинет вошла секретарь Ираида Карловна. В руке она держала свежий номер «Бизнес-Козл».

– Поздравляю, Валентин Григорьевич! В городе только и разговору, что о вашем фельетоне! – сказала секретарь. – Смешно вы обличили наших коррупционеров... Какие гады! А я ещё им пригласительные вчера рассылала на банкет... Тьфу! Крепко вы им задали перцу! И когда только вы успели

увидеть всё это безобразие, написать и дать в номер? Ведь вы оставались ночевать в кабинете... Просто уму непостижимо! Ну, вы – мастер! Я принесу вам горячий чай...

С этими хвалебными словами Ираида Карловна положила на стол редактора свежий номер «Бизнес-Козл». Агафонову сразу бросились в глаза красные буквы заголовка, набранного кеглем семьдесят два на первой полосе: «*В гостях у Сатаны*».

Он бешеным зверем посмотрел на Ираиду Карловну, и секретарь, теряясь в догадках внезапной перемены в настроении шефа, быстро вышла. Агафонова бросило в жар, потом в холод, снова в жар... Бледный, босой, с прерывистым дыханием, он кинулся к секретеру, одним рывком выдвинул нижний ящик. Не в силах унять дрожь, выхватил из него разбухший портфель, задыхаясь от волнения, открыл и чуть не лишился чувств: вместо денег он был до отказа набит золотистыми коньячными этикетками марки «Дагестанский». Из серванта исчезли серебряный штопор, хрустальные фужеры и бокальчик со следами губной помады на золотом ободке...

– Чёрт бы меня побрал! – прохрипел Агафонов. – Проклятые иллюзионисты! Развели как последнего лоха... Но как вместо рекламной заметки мог оказаться этот дурацкий фельетон?! Не понимаю...

Ему померещились чёртики, пляшущие на письменном столе. Валентин Григорьевич схватился за сердце, ему нечем стало дышать. Достало сил добраться до окна. Он повернул ручку на пластиковой раме, рывком распахнул окно. Жадно хватая холодный воздух февральского утра, он перевалился через подоконник, не удержался на нём и соскользнул со второго этажа на заледеневшую бетонную отмостку. Падая, Валентин Григорьевич в какой-то миг заметил волосатую не то руку, не то ногу с копытом, закрывшую за ним окно. Обезумевший Агафонов, босой, полураздетый, вскочил, не чувствуя боли от ушиба, бросился бежать с криком: «Этикетки! Этикетки!» Не сознавая, куда бежит, на окраине города он по самую шею провалился в глубокий овраг со снежной кашей и грязной талой водой.

– Помогите! Тону! – захлёбываясь вонючей жижей, хрипел сошедший с ума Агафонов. Он вдруг увидел себя среди раскидистых пальм... Наверно, то были джунгли Таиланда... Огромный, толстый питон спустился с дерева, обвился вокруг тела и начал душить. Агафонов попытался вырваться, но из болота высунулся крокодил и рванул за ноги зубастой челюстью. – О, чёрт! – выругался Агафонов, отчаянно сопротивляясь, но всё больше погружаясь в смрадную пасть. – Спасите! – закричал он, уже наполовину заглоченный.

Худой рыжеватый мужичок в очках, хромоногий, с козлиной бородкой и продолговатыми ушами, с маленькими рожками на лысоватой голове, с ужимками и хихиканьем подскочил к нему. Рядом с мужичком шамкала беззубым ртом сгорбленная старуха. На её плече, распустив крылья, дремала ворона.

– Бе-е... Валентин Григорьевич! Вы мечтали о Таиланде? О кобрах, обезьянах и крокодилах? Экзотика на любой вкус к вашим услугам! Вы много раз поминали чёрта, просили, чтоб я побрал вас... Бе-е... Охотно выполню вашу просьбу, Валентин Григорьевич... Дождусь, как проглотит вас крокодил, и сразу заберу к себе в преисподнюю... Добро пожаловать в моё царство тьмы! Бе-е...

Ворона на плече старухи встрепенулась, прокаркала:

– Прро-глотит крро-кодил... В прре-исподнюю... Доб-рро! В царр-ство...

Крокодил клацнул зубами, закрывая пасть, и темнота поглотила редактора, теперь уже бывшего...

Находчивые жители близлежащих домов превратили овраг в свалку бытовых отходов.

ГЛАВА 9

«Ищут пожарные, ищет милиция...»

Знакомое с детства стихотворение Сергея Михалкова про дядю Стёпу... Применительно к строчкам любимого поэта можно сказать: полиция в Козлодоевске с ног сбилась в поисках редактора «Бизнес-Козл», растворившегося бесследно, как сахар в стакане чая.

Именно так и не иначе можно было объяснить его таинственное исчезновение из кабинета, из которого, как явствовало из показаний сотрудников редакции, Агафонов не выходил. Полицейские, работники следственного комитета и прокуратуры с особым усердием добивались от секретаря в приёмной вразумительного ответа на вопрос: куда и во сколько ушёл Агафонов? Ираида Карловна, шокированная происходящим, отрешённо смотрела в одну точку и упрямо твердила:

– Никуда и ни во сколько он не ушёл... Ночевал здесь, в кабинете... Спал на диване... Сегодня утром я, как всегда, принесла шефу газету с фельетоном... Валентин Григорьевич сидел в кресле за письменным столом и разговаривал по телефону. Был он бледен и очень взволнован... Я вернулась в приёмную, а, когда снова вошла в кабинет, его там уже не было... Я подумала, что Валентин Григорьевич в туалете или в умывальнике... Из кабинета редактор не выходил, – монотонно, как заученный школьный урок, повторяла потрясённая Ираида Карловна.

– Что вы нам басни рассказываете? Прозевали, когда он слинял, так и скажите... Не выходил! Не испарился же он, в конце концов! – раздражённо, теряя терпение, вспыллил оперативник. – Вы нас что, за лохов держите?! Из кабинета не выходил! А куда делся? В окно вылетел, как дым? Он что, дух святой или обладает способностью невидимо перемещаться в пространстве? А может, вы убили его, расчленили труп, растворили в серной кислоте и смыли в унитазе? Такие случаи, знаете ли, имеют место в криминалистике...

– Да бог с вами! Что вы плетёте? Расчленили... Растворили... Смыли в унитазе... Сегодня утром я, как всегда, принесла шефу свежий номер нашей газеты... – дрогнувшим голосом начала рассказывать Ираида Карловна, но оперуполномоченный грубо оборвал её:

– Хватит нам тюльку гнать! Слышали уже... Разберёмся, будьте уверены... У нас такие опытные специалисты... Определят без труда, каким образом покинул сию обитель ваш многоуважаемый шеф...

Ираида Карловна, утирая слёзы, хлынувшие от незаслуженных упрёков и подозрений, и сама не могла понять, куда подевался редактор. Да... Действительно... Сегодня утром она, по давней привычке, явилась в редакцию раньше всех, заглянула в кабинет шефа. Валентин Григорьевич безмятежно посапывал на диване, по-детски почмокивая губами. Ещё вчера вечером он предупредил, что остаётся работать над фельетоном до позднего часа, домой не пойдёт, ночевать будет в кабинете. Ираида Карловна сходила в типографию, принесла пачку свежих газет для сотрудников редакции. Увидела на первой странице броский ярко-красный, словно кровью написанный, заголовок: «*В гостях у Сатаны*», заглянула в конец материала, увидела фамилию редактора. Ей не терпелось тотчас прочесть фельетон, но вдруг вспомнила о шоколадных конфетах, подаренных ей вчера Агафоновым, и решила продлить удовольствие, насладиться чтением за чашкой чая. Ираида Карловна включила чайник, заварила цейлонский чай, выдвинула ящик компьютерного стола и достала коробку... пластилина для детского творчества. Ираида Карловна не верила своим глазам!

Вот сюда она положила красочную большую коробку московской шоколадной фабрики, съела из неё одну замечательную конфету. А сейчас коробка пропала... Кто-то вместо неё положил детский набор пластилина... Но кто мог это сделать? Она уходила последней... В кабинете оставался Агафонов... Не мог же он пойти на такой мерзкий подлог! В расстроенных чувствах, прихлёбывая горячий чай вприкуску с завалившейся печенюшкой, Ираида Карловна принялась за чтение фельетона. Увлёкшись смехотворным описанием бесноватого шабаша козлодоевских взяточников-чиновников и воров-бизнесменов, Ираида Карловна даже забыла о подвохе с конфетами. Схватила газету, торопливо постучала в дверь Агафонова и вошла в надежде порадовать шефа лестным отзывом о фельетоне. Часто неприветливый и хмурый, вечно рассерженный семейными неурядицами, скандалами с женой, редактор в это утро был мрачнее грозовой тучи. В ответ на восторженные слова Ираиды Карловны о его смелом фельетоне, шеф смерил её злобным, ненавистным взглядом, под которым ей захотелось сделаться маленькой мышкой и незаметно юркнуть в щель.

– Принесите чаю! – рявкнул шеф, и секретарь заторопилась выйти, однако успела увидеть босые ноги редактора, торчащие из-под стола. Его тупоносые зимние ботинки, привлёкшие внимание Ираиды Карловны, стояли в прихожей. Несколько озадаченная этим обстоятельством, Ираида Карловна вышла из кабинета, чтобы налить шефу чашку только что заваренного чая. Через минуту она вошла в кабинет, но Агафонова там уже не было. Ираида Карловна подумала, что Валентин Григорьевич зашёл в туалет, поставила чашку на стол и направилась к выходу, но задержалась у двери: на этот раз её внимание привлёк раскрытый портфель редактора, валявшийся на полу и набитый до отказа этикетками. Часть бумажек выпала из него, рассыпалась по ковру, поблёскивая золотистым тиснением. Ираида Карловна вышла из кабинета, в недоумении пожимая плечами. «Странно... Только что говорил по телефону... Босой... Этикетки...» – думала секретарь, принимаясь за свою работу.

Приходили сотрудники, нештатные авторы, рекламодатели, спрашивали редактора.

– Валентин Григорьевич занят, – сдерживала Ираида Карловна самых нетерпеливых и настойчивых, заглядывавших через приоткрытую дверь в кабинет.

– Нет его там... Где же он?

– Неужели непонятно? В туалет зашёл...

Прошло десять минут... Пятнадцать... Минуло полчаса, но Агафонов в кабинете не появлялся.

– Он что там весь на дерьмо изошёл? – возмущались газетчики и посетители.

– Ботинки от него остались... Вон, стоят у двери, – съязвил кто-то.

Когда прошёл час, журналисты заволновались.

– Может, Валентину Григорьевичу в туалете плохо стало, а мы тут ржём как кони, – обеспокоенно сказал литсотрудник Савелий Редькин, всё ещё никак не пришедший в себя от фельетона *«В гостях у Сатаны»*. Он может дать голову на отсечение, – в тысячах отпечатанного за ночь тиража, уложенного толстыми пачками на стеллажах, фельетона не было и в помине. Савелий просматривал первые оттиски, проверяя качество печати, и воочию, своими глазами видел рекламную заметку под заголовком *«В гостях у “Виолы”*». Как вместо неё оказался фельетон, Савелий не мог понять. Усталые печатники на этот вопрос лишь плечами пожимали и руками разводили, отмахивались:

– Нас это не касается... Нам по барабану... Хоть про Сатану, хоть про Бога пишите... Вы, Савелий Петрович, проверили, дали «добро» печатать... А ещё после вас приходили двое... Мужчина в дорогом костюме с орденом на груди и с тростью... И девица с ним была очень красивая, модно одетая, с кейсом... Ворона у неё была на плече... Они представились чиновниками из областного управления по делам печати. Мужчина просмотрел первые оттиски и сказал: «Хорошо... Печатайте». Пусть Агафонов заплатит нам сверхурочные...

Утром Редькин взял в руки свежий номер *«Бизнес-Козл»* и вместо рекламной заметки увидел на первой полосе фельетон *«В гостях у Сатаны»*. У него отпала челюсть, глаза чуть не вылезли из орбит, а короткие волосы встали дыбом. Не находя объяснения этому немыслимому превращению, Редькин с убитым видом приплёлся в приёмную, где столпились журналисты, горячо обсуждавшие «гвоздь» номера – фельетон Агафонова.

Редькин буркнул что-то нечленораздельное относительно того, что никакого фельетона не было... Он дежурил выпускающим по номеру и сам ставил на первую полосу рекламную заметку о праздничном открытии нового ресторана *«Виола»*. Над ним посмеялись.

– Да ладно шифроваться, Савелий Петрович... До последнего момента в тайне держали фельетон... А здорово шеф придумал такой сюжет о вымышленном ресторане, чтобы вывести на чистую воду наших коррупционеров, взяточников и мошенников... Куда же он делся? В туалете? Но кто же сидит там больше часу? Надо пойти, посмотреть...

Решились. Вошли в кабинет. Никого. Постучали в дверь туалета. В ответ – ни звука. Открыли – и здесь никого. Заглянули в умывальник, в ванную – пусто. «Литрабы» растерянно посмотрели друг на друга, накинулись на секретаря в приёмной.

– Ираида Карловна! Какого рожна мы тут битый час толкаемся? Сказали бы нам сразу: «Ушёл редактор...» И не колготились бы мы здесь, как бедные родственники...

Ираида Карловна, взволнованная странным отсутствием шефа не меньше других, обиженно возразила:

– А я вам говорю: не выходил Валентин Григорьевич из кабинета... Я с самого утра не отлучалась из приёмной... Да вон и ботинки его у двери стоят... И носки валяются... Не ушёл же он босиком... На улице не май, а февраль...

Да... Ботинки и носки были существенным доказательством правоты её слов. Все замолчали, соображая, куда мог подеваться редактор, ведь человек не шариковая ручка, которую каждый норovit прихватить вроде как по забывчивости. В ту минуту, когда все стояли, приставив указательный палец ко лбу, зазвонил телефон. Редькин схватил трубку и услышал разгневанный голос Эльвиры Самуиловны.

– Мерзавец! Домой не явился... Всё пьянствуешь, скотина? Допьёшься до белой горячки! Ну, погоди... Получишь ты у меня сырники со сметаной...

– Валентин Григорьевич отсутствует... С вами говорит корреспондент Редькин... Где Валентин Григорьевич? Сами хотели бы мы знать...

Трубка отрывисто загудела, и Савелий, помедлив, положил её на рычаг аппарата.

– Надо сообщить в полицию... Мало ли что, – предложила Ираида Карловна.

Все многозначительно покивали, соглашаясь с ней. Позвонили в полицию:

– У нас пропал редактор Агафонов...

– Пропасть, то есть протухнуть, может свежая рыба, если её не положить в холодильник, а человек теряется, – ответил дежурный полицейский. – Это не тот ли Агафонов, который написал балдёжный фельетон «В гостях у Сатаны»? Наше управление с утра на карачках ползает... У всех животы уже болят от смеха...

– Да, он самый...

– У него с головой всё в порядке? По-моему, он не дружит с ней... Это же самоубийство – напечатать такое! Ладно... Когда он, говорите, пропал? Сегодня утром? Вы что, издеваетесь? День только начался... Куда он денется? Где-нибудь похмеляется сейчас... Ведь он любитель пропустить за воротник, как нам известно...

– Вся беда в том, что редактор из кабинета не выходил, а только нет его там...

– Я ценю юмор, но в данном случае шутки неуместны... Отвлекаете от работы глупым заявлением...

– Да нет... Правда... Был человек и куда-то исчез...

– Ладно, приедем... Прокурор Недоносов тоже звонил, требовал немедленно доставить к нему редактора Агафопова для объяснения...

Полицейские, прибывшие вскоре на оперативной машине, опросили всех работников редакции. Эксперты взяли пробы с унитаза, с ванны и раковины в умывальнике: а вдруг предполагаемые останки трупа Агафопова и в самом деле спущены в канализацию.

Следователи перевернули всё вверх дном в шкафу, в серванте и секретере, перерыли бумаги в письменном столе. Нашли в мусорной корзине пустую коньячную бутылку без этикетки и, само собой, изъяли её как вещественное доказательство злоупотребления Агафоновым алкоголя. На стекле бутылки обнаружили отпечатки его пальцев и больше ничьих других. «Ясно, – решили следователи, – пил в одиночку!» Они осмотрели окно. Пластиковое окно было изнутри закрыто, и версия о том, что босой Агафонов удрал, спустившись по водосточной трубе или просто выпрыгнул из окна со второго этажа, так же быстро отпала, как и возникла в горячих головах сыщиков. Крайне изумлённые, они подняли с пола потёртый портфель из крокодиловой кожи, раздутый от коньячных этикеток, и предъявили его для опознания плачущей Ираиде Карловне.

– Да, портфель Валентина Григорьевича, – утирая платочком слёзы, подтвердила секретарь. – А этикетки эти до сегодняшнего утра я никогда не видела...

Рвение сыщиков и следователей к поиску редактора подогревали настойчивые звонки прокурора, главы города, начальников силовых структур, местных воротил бизнеса, алчущих расправы над автором фельетона. Первые попытки найти Агафопова не увенчались успехом, а, когда прошло несколько дней и редактора так и не отыскали, полиция объявила его в розыск. Поиск потерявшихся людей – процесс долгий, иногда длится годами. О странном происшествии, случившемся в редакции газеты «Бизнес-Козл», могли скоро забыть напрочь, но в Козлодоевске начали твориться непонятные, фантастические, даже просто абсурдные вещи, и потому история с Агафоновым не сходила у многих с языка. О таинственном исчезновении редактора газеты «Бизнес-Козл» в Козлодоевске поползли невероятные слухи. Небылицы и легенды, сочинённые домохозяйками на кухнях, обрастали всё новыми «подробностями». Один житель якобы видел Валентина Григорьевича с приклеенными усами из пакли, в чёрных очках и с белой курчавой бородой на резинке, как у Деда Мороза.

Другой добавил, что встретился ему редактор с рюкзаком за плечами и в болотных сапогах. И пошло, и поехало... Предполагали, что Агафонов смотался за границу, в Швейцарию, где у него якобы огромный счёт в банке. Договорились даже до того, что несчастного редактора «Бизнес-Козл» забрали инопланетяне. Следователей, однако, больше устраивала версия о мести оскорблённых чиновников, утопивших Агафопова в каком-нибудь торфяном болоте. Большинство трезво мыслящих граждан склонялись к версии, что Агафонов действительно испугался мести бесславных героев своего разудалого фельетона и просто-напросто сбежал «туда, где Макар телят не пас». Склочки плели сплетни о внебрачных связях редактора с пышногрудой Ираидой Карловной, и где ему сейчас скрываться от угроз козлодоевских воротил власти, как не у неё на даче.

Любители нагнетать страсти распространяли разные ужасающие слухи один страшнее другого, как редактора Агафонова убивали «гости» выдуманного им ресторана «Виола», которого в городе нет и никогда не было. Распространённой была история о заброшенном гараже на окраине Козлодоевска, где Агафонова безжалостно били палками по пяткам, вливали ему в рот серную кислоту, тушили на его лице зажжённые сигареты, подвешивали вниз головой за одну ногу, топили в унитазе. Опозоренные личности, упомянутые в фельетоне, выли волками, клацали зубами, готовые порвать Агафонова в клочья, попадись только он им. Они безуспешно оправдывались, что в тот злополучный вечер ни в каком ресторане диких оргий не устраивали, прожигали жизнь другими способами. Козлодоевцы лишь ухмылялись, смеялись в ответ, не сомневаясь, что городское начальство именно так и ведёт себя, как было написано в фельетоне. Не в придуманной «Виоле», так в другом месте... Какая разница? Находились горожане, объяснявшие суматоху, взбудоражившую город, появлением в Козлодоевске странной парочки: лысоватого джентльмена с орденом и с тростью и его смазливой дамочки с вороной на плече. Ярым сторонником последней версии был следователь по особо важным делам Денис Иванович Надыбайлов, на себе испытавший происки этих самых проходимцев. Он заявился в кабинет прокурора, разозлённого фельетоном, в резиновых сапогах, в солдатских галифе, в куцой курточке и в спортивной шапочке с помпоном. Прямо от дверей Надыбайлов заявил:

– Гипнотизёры-гастролёры из Челябинска действуют... Один такой старый, с рожками на голове, с козлиной бородкой... Представляется графом Сивопуповым-Крымским... Аферистка с ним молодая... У неё ворона говорящая на плече... Из глаз у них искры сыпятся... Они у меня пять тысяч долларов украли, – выпалил Денис Иванович и самодовольно расхохотался: – Этих челябинских мошенников по моей просьбе Сатана камнями с неба забросал. Слышали про Чебаркульский метеорит, который взорвался над городом?

– Сатана... По вашей просьбе? Суший бред, Денис Иванович... От вас дурно пахнет... Что у вас за бомжовский вид? – недовольно поморщился прокурор Недоносков. – Позвольте... А откуда у вас оказались при себе пять тысяч долларов?

Денису Ивановичу вдруг почудилось, что за спиной у него стоит граф Сивопупов-Крымский с ехидной усмешкой на тонких, плотно сжатых губах.

– Бе-е... А ну, признайся, за что доллары получил! – смрадно дыхнул ему в ухо Люцифер.

– Мне их Тарантулов дал за то, чтобы я его сына-отморозка от тюрьмы отмазал... Того самого, который с друзьями-наркоманами избил священника... Из подозреваемого я его свидетелем драки сделал, – неожиданно для самого себя выпалил Надыбайлов, испуганно обернувшись, но сзади никого не увидел.

– Ах, вот как... Так ведь, это... Уголовно наказуемое деяние... Взятка... – округлил глаза прокурор...

– Бе-е... Скажи ему, что он сам берёт взятки в более крупных размерах, – услышал противный шепелявый шёпот Надыбайлов. – Через адвоката Розенберга... Бе-е...

– Ты сам взяточник! Про тебя в газете написали... Бе-е... – приставляя пальцы ко лбу в виде пары торчащих рожек, вдруг заблеял Надыбайлов. – Ты и судья Вшивкина – взяточники! – упрямо, блеющим голосом твердил Денис Иванович. – Хи-хи-хи... Все в прокуратуре, в суде – взяточники! Бе-е... Через адвоката Розенберга берёте... Вроде как по закону получается... Не прикопаешься... Пять тысяч долларов я взял у Тарантулова... Бе-е... Ты без штанов на столе плясал... Я в газете читал...

– Что ты себе позволяешь?! – багровея, стукнул кулаком по столу Недоносков. – Я в бараний рог тебя согну! Я тебя...

Чувствуя, что с ним творится что-то ненормальное, понимая, что выдаёт себя с головой, Денис Иванович, тем не менее, уже не мог остановиться и к собственному ужасу своему продолжал бляеть:

– Бе-е... Мы – взяточники... Я взял у Тарантулова пять тысяч долларов... Бе-е... Бе-е... Вы голыми плясали... Бе-е...

С большого портрета, висящего в просторном прокурорском кабинете, за ним пристально наблюдало хитроватое лицо губернатора. Вдруг губернатор подмигнул ему, и вместо него Денис Иванович увидел в золочёной портретной раме знакомую гнусную лысоватую физиономию с козлиной бородкой и короткими рожками. Прищурившись под круглыми очками нагловатыми глазами, мерзкая рожа беззвучно смеялась, оскалив жёлтые клыкастые зубы. С настенного японского календаря следователю

по особо важным делам мило улыбалась очаровательная гейша в розовом, с блёстками, кимоно, с кейсом в руке и с вороной на плече.

– Да вот же они! Хватайте мошенников! Их надо немедленно арестовать! Бе-е... Полиция! – вскричал Надыбайлов, тыча одной рукой в сторону портрета и календаря, другой хватаясь за телефон. – Мы все – взяточники!

– Успокойтесь, Денис Иванович... Сейчас вызовем... – проговорил прокурор Недоносов, вытирая вспотевшее лицо. – Выпейте воды... Сейчас... Минуточку...

Недоносов набрал номер психиатрической лечебницы:

– Санитаров! В прокуратуру! Срочно! У нас тронулся умом работник! Да... Налицо явное помешательство... Заметные симптомы очевидной шизофрении...

Надыбайлов не стал дожидаться санитаров из «психушки». Вскочил, опрокинув стул, бросился на улицу.

– Бе-е... Бе-е... Бе-е, – слышалось ему зади.

В то время как следователь по особо важным делам, сломя голову, бежал по улице, вздымая побуревший снег огромными резиновыми сапожищами и обращая на себя внимание прохожих солдатскими галифе, баба Дуня с пятилетним внуком вышли из универмага. В отделе игрушек баба Дуня купила внуку обещанный пистолет, стреляющий разноцветными шариками. Заполучив долгожданное «оружие», малыш тотчас передёрнул пластмассовый ствол и нечаянно выстрелил. Красная горошина попала в глаз бегущему навстречу мужчине. Тот вскрикнул от боли и, прикрыв ладонью глаз, очумело бросился с тротуара в сторону, на проезжую часть, и был сбит несущимся мимо автофургоном. Лужа крови растекалась под головой распластанного на дороге человека, одетого в рваньё. Вокруг трупа собралась толпа любопытных зевак.

– Какого-то бомжа машина задавила...

– Сам виноват... Черти понесли его на проезжую часть... – прокомментировал кто-то из толпы.

– Надо вызвать скорую помощь... Может, он ещё жив... – проговорила баба Дуня, отнимая у малыша пистолет и пряча игрушку в хозяйственную сумку.

– Нет... Не жив... Душа его распрощалась с телом... – возразил хромой лысоватый мужчина в спортивном костюме, в очках, со старинным орденом и с тростью под мышкой. – Бе-е... Говорил я ему, что ребёнок станет причиной его смерти... Не верил... Бе-е... Теперь поверит, – странным скрипуче-старческим голосом не то проговорил, не то проблеял инвалид. Он держал под руку миловидную черноволосую девушку в длинном платье и в мантио из чернубурой лисы. На её правом плече клевала носом ворона. В левой руке девица держала чемоданчик-«дипломат» – кейс.

– Карр... Не верил... Теперь... по-веррит... – встrepенулась ворона, сверкнув глазами и опять погружаясь в дрёму. Прохожие оставили без внимания слова странного вида старика. И только баба Дуня испуганно заторопилась уйти. Отойдя подальше, пенсионерка выбросила игрушку-пистолет в мусорную урну.

Надыбайлов легко поднялся, увидел себя, распростёртого на асфальте, стоящего рядом с ним на задних ногах хромого козла, держащего под руку бормочущую какие-то проклятья старуху-ведьму с вороной на плече.

– Бе-е, – проблеял козёл. – Добро пожаловать в преисподнюю, Денис Иванович. Белые ангелы, как вы надеялись, не явились за вами... А сейчас, Виола, поторопимся в прокуратуру... Там никак не могут поделить взятку... Поможем им...

Денис Иванович ничего не успел сообразить. Чёрные косматые тени вдруг подхватили его бесчувственную душу и с безумными визгами поволокли в тёмную бездну мрачного царства Люцифера, более известного как Сатана.

ГЛАВА 10

Три «Наполеона» и одна «Жозефина»

В Козлодоевске только и разговоров, что о странных явлениях и необъяснимых происшествиях в городе. На сей раз что-то невообразимое творилось в городской прокуратуре, а именно туда в предутренних сумерках направились лукавые духи нечистой силы. У входа в старое здание с облезлой штукатуркой на обшарпанных стенах сгорбленная старуха с вороной на плече и тощий, плешивый

старик в рванье и с тростью вмиг преобразились в достопочтенных граждан. Несмотря на ранний час, в кабинете прокурора Недоносова уже ярко горел свет, в зашторенном окне колыхался силуэт его тучной фигуры. Недоносов был не один. Напротив его по одну сторону длинного дубового стола сидели судья Вшивкина и адвокат Розенберг. По другую – беспокойно ёрзал на стуле следователь по особо важным делам Замаракин, заменивший в этой должности без времени ушедшего из жизни Надыбайлова. Квартет юристов обсуждал важный вопрос: засадить за решётку гнусного сынка влиятельного бизнесмена, гендиректора компании «Нефтегаз» Тарантулова, депутата областной думы, или оправдать? Читателю может показаться, что вышеупомянутых служителей Фемиды волновали судьбы обвиняемого и потерпевшего. Нет, это далеко не так. От громкого скандального дела веяло, а точнее, попросту воняло «зеленью» долларов, и каждый пришёл пораньше, чтобы не упустить свой куш от взятки.

Однако от сделки коррупционеров за версту несло керосином, и, опасаясь пожара общественного мнения, который мог вспыхнуть после вынесения приговора, все четверо ломали голову, как войти в реку воды напиться и ног не замочить. Взять деньги заманчиво, но страшновато, как в поговорке: «И хочется, и колется, и мама не велит». А всё дело в том, что липовые свидетельские показания подлого отпрыска Тарантулова, наркомана-сатаниста, при загадочных обстоятельствах безвозвратно утрачены трагически погибшим Надыбайловым. Вершители человеческих судеб за рамками законности вчетвером держали совет: как «отмазать» отморозка? Они решали этот важный для них в финансовом отношении вопрос по-гамлетовски: судить или не судить?

– Итак, все члены нашего «совета четверых» в сборе, – испытующе оглядывая каждого, сказал прокурор. – Если судить, то сколько дать? Если оправдать, то как замаять дело, утрясти проблемы с потерпевшим? Священник всё ещё в реанимации. А ну как отдаст Богу душу! Решить вопрос в пользу Тарантулова, а значит, в нашу, мешает опубликованный в городской газете фельетон «В гостях у Сатаны».

Было над чем задуматься опытным юристам, прожжённым взяточникам. Недоносов нервно барабанил пальцами по столу. Вшивкина курила сигарету «Parlament» и после каждой затяжки, выпустив дым, прихлёбывала из чашечки кофе и разглядывала лакированные, «в крапинку», ногти. Розенберг, смачно чавкая, грыз яблоко.

Замаракин лениво листал «Процессуальный кодекс Российской Федерации», потягивал из рюмки коньяк. Вся четвёрка с нетерпением ждала телефонного звонка. Но вот на столе Недоносова загудел сотовый телефон.

Судья, адвокат и следователь напряглись в предвкушении приятного сообщения. Прокурор спешно схватил смартфон, глянул на высветившийся номер абонента и многозначительно посмотрел на членов «совета четверых».

– Да, Эдуард Харитонович, слушаю вас внимательно...

Недоносов внушительно поднял вверх палец и кинул недвусмысленный взгляд в сторону членов «совета четверых». Вшивкина понимающе кивнула и затушила сигарету в кофейной чашке. Розенберг перестал жевать и замер с открытым ртом. Замаракин осторожно поставил пустую рюмку. Члены «совета» настороженно замолчали, ожидая от разговора прокурора с Тарантуловым нечто существенное для себя лично. Нагловато-хамским голосом важный папаня, а звонил конечно же он, в требовательной манере спросил:

– Куда подевались пять тысяч долларов, которые я дал Надыбайлову за то, чтобы моего сына из подозреваемого переквалифицировали в свидетели? Не знаете? Другого ответа я от вас и не ожидал... Ну, теперь концов не сыщешь, как ног у змеи... Ладно... Коли судьба-злодейка так распорядилась жизнью Надыбайлова, я дам ещё пять тысяч...

– Каждому! – невольно вырвалось у Недоносова. – Дело чрезвычайно трудное... Нас здесь четверо...

Члены «совета» одобрительно загудели. Смартфон засопел возле уха Недоносова, выжидательно глядевшего на присутствующих. Их разгорячённые коньяком лица, искажённые плоской крышкой стола, косо отражались в его зеркальной поверхности.

– Без базара... Но чтобы на этот раз всё пучком, без проколов пошло, – отозвался телефон развязным голосом Тарантулова. – А то браткам свистну, они вам холку намнут, мозги вправят... Служители Фемиды хреновы... Ждите... Нарочных курьеров пришлю с башлями...

Недоносов торжествующе посмотрел на единомышленников.

– Ха! – хлопнул он рука об руку. – Двадцать штук даёт этот урод из областной думы! По пятёрке на рыло! Ха! – прищёлкнул пальцами Недоносов. – Мне, как прокурору, по раскладу больше причитается... Я, а не Розенберг, вырвал зелёное бабло у Тарантулова...

За столом зашумели, загадели, ногами затопали, руками замахали, кулаками затарабанили. Рюмки со звоном запрыгали на столе, яблоки раскатились.

– Ну и что? – возмущённо завопил Розенберг. – Вы один раз с клиента куш срываете, а я с каждого процесса для вас кусок урываю...

– А мне, думаете, легко малый срок назначать за тяжкое преступление? – вскочила судья Вшивкина. – Или, что ещё хуже, оправдательный приговор объявлять? Общественное мнение... Журналисты, чёрт бы их всех побрал... Кассационные жалобы... Легко, знаете ли, кормушки лишиться... Всякий раз рискуешь, когда за взятку смягчаю наказание... Как по лезвию бритвы хожу... Как по краю пропасти... Один неверный шаг – и пиши пропало... Дисквалифицировать могут за профнепригодность... Нет, уважаемый господин Недоносов, всем поровну... Разве что следователю можно меньше...

– В таком случае обойдёмся без суда и без судьи! И без вас тоже! – ткнул пальцем в адвоката следователь Замаракин. – Закон – что дышло! Куда повернёшь, туда и вышло... Вот подготовлю материал о прекращении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления, а прокурор подпишет... И никакого суда! И адвокат не понадобится... Ха! – на манер Недоносова ударил в ладоши Замаракин. – На двоих двадцатку «зелёных» поделим!

– Это как же прекратить уголовное дело? Священник на ладан дышит... А что, если боты завернёт, ласты загнёт... Точнее говоря, может дубу дать, а вы – прекратить дело! – запротестовала Вшивкина. – Ничего не выйдет у вас... Суд должен состояться...

– А очень просто! Обвиняемых нет... Свидетелей тоже нет... Сам попик головкой об асфальт тюкнулся...

– А переломы ребра, ключицы, разрыв селезёнки?

– А кто видал эту самую селезёнку? Может, и не порвана она вовсе... Поскользнулся иерей, упал... Закрытый перелом... Очнулся – гипс, – смеясь, ответил Замаракин. – Он же вставал, потом опять падал... И всякий раз неудачно...

– Нет, я не согласна, – категорично заявила Вшивкина. – Настаиваю на судебном процессе...

– Да... Я выступлю на нём с пламенной речью, – поддержал судью адвокат Розенберг. – Моя защита послужит основанием дать подсудимому условный срок наказания...

– А я считаю, что господин Замаракин предлагает самое верное решение. Священник сам набил себе бока... Вероятнее всего, он был в стельку пьян и ничего не помнит...

– О! Это идея! Надо переделать результаты судебно-медицинской экспертизы! – обрадованно воскликнул Замаракин. – Правда, придётся отстегнуть патологоанатому... тысячи три... Нет, две...

– Обойдётся... Хватит с него и одной, – сказал Недоносов.

– Вы только посмотрите на них! Совет полководцев перед сражением на Бородинском поле! Один – Наполеон, другой Мортье, а Розенбергу оставили роль неудачника Бертье! Ещё не было сражения, а они уже решают, кому первому входить в Москву... Давайте без лишних споров раскинем двадцать тысяч поровну и не будем напрасно тратить время, – с негодованием сказала Вшивкина.

– Да... Вот именно... Тоже мне нашлись везучие наполеоновские генералы, – обиженно поддакнул Розенберг, которому не понравилось сравнение с Бертье. Перепалка юристов, деливших шкуру неубитого медведя, неизвестно чем бы закончилась, но в самый напряжённый момент спора, весьма важный для каждой из сторон, в кабинет прокурора вошли двое. Присутствующие, не остывшие от жаркого спора, удивлённо повернули головы к неожиданным посетителям. «Кто их пустил? Как они попали сюда через запёртые изнутри двери? И почему молчит охрана? Может, они и есть курьеры Тарантулова?» Эти совершенно одинаковые мысли вихрем пронеслись в потных головах озабоченных блюстителей законности. Вошедшими были элегантная дама с «дипломатом»-кейсом, с вороной на плече и пожилой рыжеватый джентльмен с тростью и с орденом на чёрном фраке. Респектабельный вид незнакомых пришельцев шокировал служителей Фемиды. Блестящая поверхность фарфорового изваяния мифической защитницы справедливости играла бликами хрустальной люстры. В какой-то миг прокурору показалось, что весы в руке фарфоровой Фемиды качнулись, одна чаша опустилась, другая поднялась. Он вперил на скульптурную фигурку пристальный взгляд, и опущенная чаша

весов поднялась, а другая, поднятая, опустилась. «Чёрт возьми, что это со мной? – в страхе подумал Недонос, протирая глаза и вновь впяливаясь в статуэтку, но чаши весов были на равной высоте. – Померещится же... Пить надо меньше...»

– Верно заметили, господин Недонос, – снимая шляпу и перчатки, сказал незнакомец. – Пить и в самом деле надо меньше. Вы не будете возражать, если я предложу стул даме? Нет? Очень хорошо... Прошу, Виола, присаживайтесь...

– Я извиняюсь... С кем имею честь? – потеряв свой обычный спесивый вид, упавшим голосом, заикаясь спросил Недонос, теряясь в догадках относительно того, каким образом эти двое появились в кабинете. Не через стену же они вошли...

– Да... Так и есть, господин Недонос... Именно через стену, что не составляет для нас никакого труда... Но поговорим о деле... Позвольте представиться: граф Сивопупов-Крымский, нарочный курьер и поверенный в делах господина Тарантулова... Пресс-секретарь компании «Нефтегаз» госпожа Виола Филаретовна Обнорская со своей неизменной вороной Каролиной... Прошу любить и жаловать...

При этих словах дама кивнула с милой улыбкой на красивом лице, а все сидящие привстали, поклонились и снова уселись за стол.

– Итак, господа... Вы не можете разрешить трудный спор о дележе взятки... Господин Тарантулов предвидел это и решил дать вам больше... Виола, откройте ваш кейс...

Дама поставила изящный чемоданчик-«кейс» на стол, щёлкнула замочками, откинула крышку.

– У-у... – разом вырвался у членов «совета» не то вздох изумления, не то жадности: в кейсе зеленели пачки долларов.

– Здесь миллион... Господин Тарантулов человек щедрый... За спасение от тюрьмы своего горячо любимого чада готов отдать хоть всё своё состояние... Берите, господа... Налетайте... Не стесняйтесь... Это всё ваше... Ну, кто вперёд? Кто больше ухватит?

И Сивопупов-Крымский начал без счёту выбрасывать пачки денег на стол. Что тут началось! Цепкие руки жадно выхватывали пачки друг у друга, рвали банковские обёртки. Адвокат Розенберг таскал Вшивкину за волосы. Судья в долгу не осталась, укусила адвоката за нос, отвесила ему звонкую оплеуху, заграбастала пачку. Недонос и Замаракин мёртвой хваткой держали сразу две пачки, ни одну не желая уступать. Граф продолжал выбрасывать на стол деньги, и свалка недавних компаньонов переросла в драку. Наконец весь миллион перекочевал из кейса в штаны и пиджаки юристов-мужчин. Судья Вшивкина, сожалея, что пришла в короткой юбке, уселась на деньги, как курица-несушка на яйца, придавила их внушительным задом. Сивопупов-Крымский надел шляпу-котелок, взял в руки перчатки и трость. Виола закрыла пустой кейс и встала со стула. Ворона встрепенулась на её плече.

– Прощайте, господа... Продолжайте ваш совет перед сражением на Бородинском поле... Решайте сами, кто из вас Наполеон, а кто генералы Мортье и Бертье...

Чиновники правовой службы ревностно переглянулись: кому кем быть? Никто не желал быть губернатором сожжённой Москвы генералом Мортье и неудачливым начальником наполеоновского штаба генералом Бертье. Каждый из них хотел быть Наполеоном.

– Господин... Простите... Забыла, как вас? – вскинулась с места судья Вшивкина. Пачки денег посыпались на пол из-под её широкой задницы.

– Граф Сивопупов-Крымский, – обернулся джентльмен, сверкнув глазами. – Вы хотели спросить, кем будете на Бородинском поле?

– Да, граф... Ведь я – женщина...

– Логично... Будете красавицей Жозефиной... Любовницей Наполеона Бонапарта...

– Благодарю, ваше сиятельство, – со слезами счастья выпалила Вшивкина, посылая графу воздушный поцелуй. – Я Жозефина! Слышали?! Кто из вас Наполеон?

– Конечно же, я! Кому, как не прокурору, быть Наполеоном! – заявил Недонос.

– Нет, вы только подумайте! – швырнув в прокурора огрызок яблока, вскричал Розенберг. – Он и в самом деле думает, что он – Наполеон! Но ведь Наполеон – это я!

– Кто? Ты – Наполеон? А вот я покажу тебе сейчас, кто из нас император Бонапарт... Наполеон – я! И никто другой! Иначе позову стражу из моего дворца! Вас всех арестуют и бросят в Бастилию, – стучал себя в грудь Замаракин.

Трое претендентов на «имперский трон» устроили потасовку. В ход пошли стулья, цветочные горшки и тугие пачки открыток с рекламой шампуня «Timotei», оклеенных банковскими лентами.

Превращение денежных купюр в разноцветные глянцевые бумажки дерущиеся не заметили и продолжали дубасить друг друга чем попало. Трещали разрываемые пиджаки, сорочки, слышались хлесткие пощёчины и неистовые выкрики:

- Я – Наполеон!
- Нет – я!
- А я говорю – я!

Между спорщиками, махавшими кулаками, металась Вшивкина-Жозефина. Ей не терпелось стать любовницей Наполеона, но никак не удавалось определить избранника.

Грохот, возня, крики, звон разбиваемых рюмок и оконных стёкол привлекли внимание охранников и ранних прохожих. Они вызвали сотрудников полиции. В кабинет Недоносова ворвались бойцы в бронежилетах и с автоматами, уложили буянов лицом вниз на пол, усыпанный осколками, землёй из горшков, рекламными проспектами, буклетами, открытками и пачками всякой разноцветной мишуры в банковских обёртках. Рыбки из опрокинутого аквариума, издыхая, разевали рты, трепыхались в луже воды. Под тяжёлыми берцами полицейских похрустывали кусочки разбитой скульптуры богини Фемиды.

– Вы не смеете меня арестовать! Я – Наполеон! – вопил, вырываясь, Розенберг, когда ему надевали наручники.

– Он бессовестно лжёт! Заговорщик! Изменник! Не верьте ему! Наполеон – это я! – с хрипотой доказывал Недоносов, пристёгнутый к батарее парового отопления.

– Вам не удастся заточить меня на остров Святой Елены! Гвардия за меня! Битва при Ватерлоо – это ещё не поражение! – кричал Замаракин. – Я, Наполеон Бонапарт, соберу новые войска и двину их на Европу!

– Не разлучайте меня с любимым, – в отчаянии заламывала пухлые руки Вшивкина. – Я – Жозефина, любовница императора Наполеона Бонапарта...

Козлодоевские полицейские, ошарашенные увиденным и услышанным, качали головами, хохотали до упаду. Старший наряда позвонил:

– Алло... Психбольница? Срочно пришлите санитаров... У нас три Наполеона и одна Жозефина... Очень буйные...

Их увезли на грустно-печальный «Левый берег», рассадили по разным палатам.

Дальнейшая судьба козлодоевских «наполеонов» и «жозефины» нам не известна. Если верить людской молве, они так и не поправились, твёрдо уверовав в монаршее величие.

Вместо сошедшего с ума Недоносова прокурором Козлодоевска назначили Разгуляева, человека принципиального и требовательного, ещё не успевшего стать коррупционером и набить руку на взятках. Разгуляев дал ход делу об избиении священника. Суд приговорил преступного сына Тарантулова к девяти годам лишения свободы в колонии строгого режима. Разные сроки лишения свободы получили сообщники преступника Тарантулова. Козлодоевцы говорили, что отморозки легко отделались. В случае смерти молодого священника им грозило более суровое наказание, но иерей, слава богу, остался жив. Автомобиль «Мерседес» бизнесмена-депутата Тарантулова при невыясненных обстоятельствах вспыхнул на бензоколонке и за считанные минуты сгорел дотла. В нём погиб и сам босс компании «Нефтегаз». По версии пожарных, замкнула электропроводка. По свидетельству очевидцев, за минуту до этого трагического происшествия на бензоколонку заезжал роскошный «Бентли». Мягко прошипев шинами, он притормозил рядом с автомобилем Тарантулова. За рулём авто, как показалось рабочим бензоколонки, был бультерьер в морской фуражке с белым чехлом и с якорем на околыше. В зубах бультерьера торчала курительная трубка. В салоне «Бентли» находились молодая экстравагантная дама с вороной на плече и пожилой мужчина в спортивном костюме и с орденом на груди. Кто были эти уважаемые люди, неизвестно.

ГЛАВА 11

«Мечты, мечты! Где ваша сладость?!»

Заведующий отделом «Криминальной хроники» газеты «Бизнес-Козл» Аристарх Фон-Гумилевич страстно мечтал занять место в кожаном кресле главного редактора. Сотрудники промеж себя называли его толстячком, хомячком, хитрячком, добрячком. Краснощёкий, полноватый, с одышкой

и округлившимся брюшком, с хитрецей в зеленоватых глазах, он слыл добропорядочным семьянином и безобидным человеком. К своим неполным тридцати шести годам Фон-Гумилевич, по его собственному мнению, имел богатый журналистский опыт и бедный уровень личной жизни. В последнем определении он исходил из того, что проживал в старом панельном доме, чаще презрительно называемом в народе «хрущёвкой». Завистливо глядя на элитные особняки городской знати, он с тоской думал о том, что его семья из пятерых человек ютится в малогабаритной квартире, состоящей из трёх комнат-клетушек. Помимо него самого, сварливой жены и двоих шаловливых детей-подростков, в «трёшке» занимала угол престарелая тёща, ворчливая, больная, всем и всегда недовольная старуха, присутствие которой делало невыносимым существование Аристарха Фон-Гумилевича. Курить дешёвые отечественные сигареты «Космос» ему позволялось на балконе, а писать статьи представлялось возможным на кухне после полуночи, когда семья, утомившись, разбрелась по тесным комнатам. Скучной зарплаты едва хватало на самые необходимые продукты питания, на выплату долгов за дешёвую мебель, взятую в кредит, на бытовую технику, на коммунальные услуги, растущие как на дрожжах. Об этих неприятных фактах Аристарху нудно напоминала скаредная жена, любящая повторять одну и ту же поговорку: «В нашем бюджете финансы поют романсы».

Дачный участок из шести соток с маленьким кирпичным домиком «кума Тыквы» из сказки про Чиполлино, битая развалюха «Лада»-«шестёрка», мокнувшая под дырявой крышей гаража в одном из кривых переулков кооператива «Гигант» – вот и всё достояние Аристарха Фон-Гумилевича. На редакционных планёрках Фон-Гумилевич выступал непримиримым борцом со всякого рода нарушителями законности, принципиальным журналистом при опубликовании фактов противоправных действий в обществе отдельными его несознательными элементами. В сокровенных уголках души Аристарх завидовал беспринципным богачам, сожалея, что сам он со своими принципами до сих пор остаётся бедным. Принимая во внимание вышеперечисленные факты «благополучия» заурядного труженика прессы и его «принципы», легко догадаться, почему Аристарх Фон-Гумилевич, располагая университетским дипломом, больше других в редакции радовался таинственно-загадочному исчезновению главного редактора «Бизнес-Козл». Как гласит народная мудрость, свято место пусто не бывает. И Аристарх, разумно скрывая радость пропажи Агафонова, надеялся, что Валентин Григорьевич никогда не вернётся в редакцию. Лелея в душе вожделенную мечту о выгодной должности, он желал, чтобы с Агафоновым, о котором не было ни слуху ни духу, действительно случилось что-нибудь трагическое. «Чёрт меня возьми... Вдруг произойдёт чудо, и меня назначат вместо Агафонова... Хочу быть главным, – думалось Аристарху всякий раз, когда банккомат выдавал ему двадцать тысяч зарплаты. – А ну, как и вправду стану главным редактором... О-о... Тогда бы я...» Что было бы «тогда», домечтать Аристарху всегда кто-нибудь мешал или что-нибудь отрывало его от приятного размышления в мнимом кресле главного редактора. То посетитель в кабинет войдёт, то телефон зазвонит, а то жена взбудоражит гневным окриком: «А ты записался в этом месяце на аванс?!» Так в чудесном сне никогда не увидишь счастливого продолжения, вдруг прервут его, и потом тщетно пытаешься вспомнить, досмотреть...

Несмотря на мужественное, стойкое выживание в условиях рыночной экономики, у Аристарха Фон-Гумилевича имелись некоторые увлечения, соответствующие его общественной значимости и финансовому положению. Увлечений у Аристарха немного: три или четыре. Собираение грибов и ягод, рыбалка, лазание под машиной, работа на даче в расчёт не принимаются. Имеются в виду «хобби». Кто-то собирает раритеты, строит макеты парусников, коллекционирует картины, медали, монеты, значки и марки, винно-водочные этикетки, пробки от пивных бутылок и прочее. Аристарх Фон-Гумилевич, будучи интеллигентным человеком, коллекционировал... губные гармоники. Об этих музыкальных инструментах он знал буквально всё: от истории их создания до принципа игры на них. И хотя в коллекции насчитывалось всего пять гармоник, Аристарх не терял надежду добыть их больше. Ещё одно увлечение Аристарха: в наш продвинутый двадцать первый век цифрового фото он «заболел» чёрно-белой фотографией. Купил с рук обшарпанный «Зенит-М» и к неудовольствию жены и тёщи стал тратить деньги на фотоприбаамбасы, которые промышленность уже не выпускает и потому найти их в продаже непросто. Верный интернационализму, Аристарх Фон-Гумилевич был ценителем и знатоком русской бани, поклонником чешского пива, приверженцем баварских сосисок, фанатом испанского футбольного клуба «Барселона» и любителем китайских горько-кисло-сладко-солёных конфет «Ням-Ням». Два раза в месяц, в выходные дни после авансов и получек, Аристарх позволял себе расслабиться. Топил баньку на даче, хлестал себя берёзовым веником, сгоняя жирок, а

после потягивал пиво у телевизора, следя за игрой «Барселоны» и закусывая сосисками вперемежку с «ням-нямами». Ко всему вышесказанному надо добавить, что Аристарх Фон-Гумилевич обожал стихи талантливого поэта Николая Гумилёва, расстрелянного большевиками в 1921 году по обвинению в контрреволюционном мятеже. Озабоченный обязанностью добытчика для семьи, тратящий бесцельно время в раздумьях, а потому не очень старательный сотрудник газеты «Бизнес-Козл» очень гордился своей фамилией, созвучной фамилии погубленного поэта Николая Гумилёва. Сходству фамилий и даже возможному родству мешали две последние буквы и неизвестно каким боком прилепившаяся приставка «Фон». Ничто в происхождении Аристарха не свидетельствовало о родовом баронском титуле и аристократизме предков, но свою фамилию он произносил раздельно, выделяя приставку: «Фон... Гумилевич...» Подражая своему блистательному кумиру Николаю Гумилёву, Аристарх носил двубортный пиджак, жилет с карманными часами и галстук-«бабочку». Здесь самое время напомнить о давней привычке Аристарха репетировать перед зеркалом выразительные позы и эффектные действия незаурядного мастера поэзии, одухотворённого творческими идеями. Именно таким виделся ему поэт Николай Гумилёв. Аристарх усаживался в потёртое, расшатанное компьютерное кресло и, небрежно забросив ногу на ногу, слегка откидывал назад курчавую голову, брал в левую руку сигарету, а правую, с шариковой ручкой, держал чуть наотлёте. Затем вынимал часы на серебряной цепочке, щёлкал крышкой, мысленно представляя, каким непринуждённо-изысканным жестом это сделал бы Николай Гумилёв. Он опускал часы в карманчик жилета и вновь, потягивая за цепочку, вынимал их, всякий раз более утончённо, на манер светского театрала или завсегдатая столичного ресторана. Потом закрывал глаза, блаженно воображая себя главным редактором козлодоевского еженедельника «Бизнес-Козл».

И вот однажды, после полудня, а случилось это в тот самый день, когда Савелий Редькин позвонил и сообщил, что отправился лечить зубы в «Дента-сервис», Аристарх, проведя перед зеркалом несколько минут самовлюблённости, закрыл в раздумье глаза... Быть может, он задремал...

В дверь постучали и в кабинет вошли двое: экстравагантный пожилой мужчина в шляпе-котелке и с тростью, в лакированных белых туфлях. На атласном отвороте его элегантно чёрного фрака сиял восьмиконечный орден. Лучи звезды, инкрустированные алмазами, сверкали на солнце, заглянувшем в редакционное окно. Рыжеватые волосы степенного посетителя, закрученные над лысым лбом, торчали из-под шляпы короткими рожками.

Рядом с импозантным незнакомцем стояла красивая дама в шляпке с вуалью, в длинном чёрном платье, гладко облегавшем её стройную фигуру. Обнажённые плечи красавицы прикрывало манто из меха чернобурой лисицы. На груди её кровавыми каплями переливалось кольцо из рубинов. Ворона, уцепившись когтями за алую бархатную подстилку и перебирая клювом перья, восседала на согнутой в локте левой руке дамы. В правой «миледи» (так о ней подумал в первую минуту ошарашенный Аристарх) держала кейс, обтянутый коричневой замшей. Вошедшие вежливо поздоровались, при этом мужчина во фраке галантно снял «котелок», слегка поклонился и положил шляпу на стол. Дама чуть отставила ножку в ажурном чулке и обутую в изящную туфельку, сделала лёгкий реверанс. Холодная улыбка искривила её сочные губы.

– Господин Фон-Гумилевич? Аристарх Владленович? – учтиво спросил вошедший, и опешивший заведующий отделом «Криминальной хроники» ещё не успел произнести «да», как тот предупредительным жестом остановил его, давая понять, что прекрасно осведомлён о человеке, с коим имеет честь вступить в разговор.

– Позвольте, Аристарх Владленович, назвать себя и свою многоуважаемую спутницу... Граф Сивопупов-Крымский... Куратор средств массовой информации при президенте Российской Федерации, почётный академик... Моя ассистентка Виола Филаретовна Обнорская, доктор психологии... Прошу любить и жаловать...

«Прелестная женщина, – подумал Аристарх. – Мне бы такую». И вслух с готовностью произнёс:

– Да, конечно, господа... Присаживайтесь... Прошу вас, – придвигая гостям компьютерные кресла, засуетился Аристарх. «Ничего не пойму, – лихорадочно думал он, – как они вошли? Дверь была заперта на ключ... Хорошо помню...»

– Вы запомнили на сей раз и забыли повернуть в замке ключ, – с хитрой улыбкой сказал куратор-академик.

«Да нет же... Я помню, как прежде прихлопнул дверь», – подумал Аристарх, недоумевая, каким образом этот господин с тщедушным лицом старичка и козлоподобной бородкой догадался о том, что он подумал как раз о двери.

– Это в пятницу, перед репетицией светских приёмов, вы прихлопнули дверь, запираясь в кабинете... Бе-е... – с кашляющим бляньем хохотнул странный незнакомец, поигрывая золотым набалдашником трости. – Но приступим к цели нашего визита... Мы только что прибыли нарочным самолётом из Москвы, дабы сообщить вам наименее приятное известие: вы, Аристарх Владленович, награждены Почётной грамотой и назначены главным редактором газеты «Бизнес-Козл» вместо трагически погибшего Валентина Григорьевича Агафонова, с чем вас и поздравляем!

Произнеся эти пафосные слова, граф протянул руку в сторону и, как показалось Аристарху, из ничего взял красочный лист плотной бумаги, тиснённой золотом с гербовой печатью, вручил её обалдевшему от счастья журналисту. Пожимая протянутую графом руку, Аристарх ощутил в своей ладони нечто, напоминавшее раздвоенное копынце.

– Благодарю за оказанное мне высокое доверие.

Аристарх потряс копытообразную руку куратора и растерянно пробормотал:

– Ваше сиятельство, я ничего не понимаю... Вы сказали, что Агафонов погиб. Он исчез странным образом, босой, не выходя из кабинета... Мы сожалеем о нём и надеемся, что Валентин Григорьевич скоро вернётся...

– Не лукавьте, господин Фон-Гумилевич... Виола Филаретовна – отличный психолог и знаток человеческих душ. Она уверяет: вы несказанно обрадовались пропаже Агафонова и желаете, чтобы он и в самом деле сгинул и никогда не вернулся в редакцию «Бизнес-Козл». Ведь так?

Аристарх судорожно сглотнул, утёр ладонью вмиг вспотевший лоб и утвердительно мотнул головой. «Вот черти полосатые... И откуда им всё известно?» – озираясь по сторонам и словно ища поддержки, подумал Аристарх. Старичок во фраке тотчас же возразил:

– Мы вовсе не полосатые, а самые обыкновенные... Мы знаем всё про всех... И не сомневайтесь... Агафонов не вернётся... Его проглотил крокодил в джунглях Таиланда...

– Граф... Как вас? Э... Простите, забыл...

– Обращайтесь ко мне просто: «Ваше сиятельство».

– Вы шутите, ваше сиятельство... Ка-ккой... кро-ккодил?! Ка-ккой... Таиланд?! Агафонов босой... Его зимние ботинки всё ещё стоят в прихожей, – заикаясь, моргая глазами, пролепетал Аристарх, совершенно забыв о своей манере быть похожим на Гумилёва. Сейчас он более всего напоминал страдальца, нечаянно обкакавшегося на знатном приёме и не знающего, как выйти из столь щекотливого положения.

– Нет, я не шучу... Агафонова схавал самый настоящий крокодил. Теперь вы – главный редактор «Бизнес-Козл».

– Я – главный?! Не может быть! Справлюсь ли? Это так неожиданно... Э... Ваше сиятельство... Не угодно ли чаю?

В какой-то миг Фон-Гумилевичу померещилось, что глаза господина куратора сверкнули искрами. Он перевёл изумлённый взгляд на его ассистентку, но та сосредоточила своё внимание на малахитовом письменном приборе, вручённом Аристарху в день рождения. «Её прекрасные глаза излучали ледяное равнодушие», – некстати вспомнилась ему реплика киношного коллеги из фильма «Дайте жалобную книгу».

– Карр... Каррр... Крро-кодил... Рре-дакторр... – взерошив перья, прокаркала ворона, вращая жёлтыми глазами.

Аристарх в ужасе отшатнулся от представительных посетителей, схватился за грудь, пытаясь унять нервную дрожь, внезапно охватившую его пухлое тело.

Граф коснулся тростью журнального столика, и на нём возникли салфетка, графин с водой и стакан. Наполняя стакан, куратор нечаянно пролил немного воды на салфетку.

– Прошу... Из таёжного родника в Забайкалье... Выпейте и успокойтесь, Аристарх Владленович... Вот вам отличные кубинские сигары... Настоящая «Гавана»...

Граф повёл рукой в сторону, извлёк, как и в прошлый раз, из ничего дорогую коробку, изукрашенную золотистым орнаментом, и преподнёс онемевшему Аристарху.

– Да, конечно... Постараюсь... Выполню... Сделаю всё от меня зависящее... Возможное и невозможное, – срывающимся от волнения голосом пообещал Фон-Гумилевич, принимая стакан с водой. Он пил, и зубы его постукивали о стекло.

– Вот и хорошо... Бе-е... Вот и чудненько... Бе-е... Вот и ладненько... Бе-е... Курите сигары, Аристарх Владленович... Отличный табак, уверяю вас. Бе-е... – каким-то дребезжащим хрипом рассмеялся Сивопупов-Крымский. – В Германии известно о вашем незаурядном хобби... Ведь вы коллекционируете губные гармоники... Не так ли?

Аристарх судорожно сглотнул...

– Вот вам личный презент от господина Вальтера Шульца, директора Мюнхенского музея губных гармоник...

И граф вручил потерявшему дар речи Аристарху потёртый футлярчик с выдавленной на нём надписью «Hohner». Аристарх открыл его и обомлел: в нём лежала губная гармоника в серебряной отделке.

– На этой гармонике играл ефрейтор Ганс Мюллер... Его убили в апреле сорок пятого в Берлине, – сказал граф. Куратор крутнулся в кресле, постучал тростью по белым носкам лакированных туфель. Метнул на Аристарха сверкнувший искрами взгляд. Не то проговорил, не то проблеял по-козлиному:

– Бе-е... Как стало нам известно из конфиденциальных источников, сегодня вечером на теплоход «Вамирекс» прибудет мэр Козлодоевска Потапенков. Бе-е... Вам, Аристарх Владленович, поручается передать ему три миллиона рублей за разрешение бизнесмену Голопузову на строительство частных коттеджей в лесной заповедной зоне... Бе-е...

– Как?! Это же взятка! – возмущённо воскликнул Фон-Гумилевич. – Взятка, как и дача её уголовно наказуемы!

– Вы же пообещали выполнить даже невозможное... Скажете Потапенкову, что деньги он получает в обмен на погашение городской задолженности за газ...

– А как же... коттеджи? В заповедной зоне?

– Потапенков в курсе, что наше обещание погасить долги мэрии за газ всего лишь предлог для взятки... Он возьмёт деньги и подпишет бумаги на выделение земельных участков влиятельным и нужным людям... После получения взятки Потапенков будет арестован...

– Но это же явная подстава! Предательство!

– Потапенков вам кто? Сват? Кум или брат? Что вам жалеть его? Он взяточник... Не от вас, так от другого возьмёт. А вы чёрта вспомнили, чтобы помог вам... И потом, по вашему тайному убеждению, человек беспринципный всегда богатый, а тот, кто с принципами, прозябает в нищете. Мы предлагаем вам поступиться принципами и стать богатым.

– П-почему... надо непременно... ар-рестовать Потапенкова? – заикаясь, спросил Аристарх.

– Карр... Непрре-менно аррес-товать! – прокаркала ворона на плече ассистентки.

– Я, светоносный Люцифер, владыка тёмного мира, не могу далее терпеть, чтобы в Козлодоевске и далее оставался мэром взяточник Потапенков. Мой слуга – нечестивый бизнесмен Голопузов два года готовил, как вы изволили выразиться, «подставу»: подарил Потапенкову две бесплатные путёвки на отдых в Испании, элитную квартиру в посёлке Изумрудном, коттедж, автомобиль... Приручил, сделал своим человеком в администрации города. Теперь народный избранник безоговорочно пляшет под дудку Голопузова, вора «в законе», «смотрящего» Козлодоевска, хозяина Изумрудного городка... Считаем, что Потапенков достаточно созрел для взятки.

– Если Козлодоевском фактически рулит Голопузов, так зачем компрометировать Потапенкова, подводить его гадить под монастырь, иначе говоря, под статью закона?

Граф улыбнулся с лукавой ухмылкой, взял шляпу-котелок.

– Наша радость – сделать гадость! О... Это такой кайф: опустить народного избранника, польстившегося на взятку, ниже городской канализации! Вы как главный редактор напишете разгромную статью о разоблачении мэра-взяточника.

– Я?! Нет! Ни за что! – испуганно замахал руками Аристарх. – Это лучше получится у сотрудника моего отдела Савелия Редькина... Пусть он едет на «Вамирекс» и пишет разгромную статью... А я... Я боюсь... Не хочу исчезнуть, как Агафонов после своего дурацкого фельетона...

– Почему дурацкого? Очень даже славный получился фельетон... А что касается Савелия Редькина, то ваш коллега скоро отправится в турне по Европе вслед за неутомимым Джордано Бруно... Ему сейчас не до «Вамирекса»...

– Турне?! По Европе?! – округлил глаза Аристарх. – Что за ерунда? Час назад Редькин звонил мне... Предупредил, что идёт лечить зубы в «Дента-сервис»...

– Не будем терять время, Аристарх Владленович... Виола Филаретовна, откройте, пожалуйста, ваш кейс и вручите господину Фон-Гумилевичу один миллион рублей... Так сказать, авансом за выполнение моего особого задания... Может, вы передумаете, и мы отдадим эти деньги Савелию Редькину? В наш век нанотехнологий не составит труда немедленно вернуть его из вояжа по Европе...

Прелестная ассистентка куратора, обворожительно глядя на Аристарха, открыла чемоданчик и выложила на стол несколько толстых пачек в банковской упаковке. При виде большого количества пятитысячных купюр у Аристарха затряслись губы. Он поспешно столкал деньги в ящик компьютерного стола и чуть слышно проговорил:

– Я... Я... согласен... передать взятку Потапенкову... А меня... самого... не арестуют...? Не п-положат л-лицом на пол?

– Следователи спланировали эту операцию. Вам ничто не угрожает... Бе-е... Бе-ерите кейс с тремя миллионами, Аристарх Владленович, и следуйте на «Вамирекс». Благодарим за приглашение отведать чаю... Мы торопимся в горсовет... Там депутаты то и дело поминают чертей... Я не так выразился... Они то и дело желают друг другу: «Чёрт бы тебя побрал, сучара вонючий!» – «Пошёл к чертям собачьим, свинячье рыло!» – «Чёрта лысого получишь мой ресторан!» – «Тысячу чертей тебе в рот, гнида ползучая!». Ну, и всё в таком роде. Вот они пошли стенка на стенку... Бросаются стульями... Орут: «Это ты украл деньги за газ!» – «Нет, ты!». Взбе-бе...еслились в драке за народные деньги... Совсем ошалели... Бе-е... В общем, пора мне вмешаться, пока они совсем не перебили друг друга... А то не останется у моего сиятельства верноподданных слуг в грешном Козлодоевске...

Граф надел «котелок», взял со стола трость и, прихрамывая, проковылял к двери. Ассистентка, метнув на Аристарха мимолётный взгляд, улыбнулась уголком рта и последовала за куратором. Вдруг куратор средств массовой информации, Почётный академик граф Сивопупов-Крымский обернулся, сверкнул глазами, проблеял, оголив жёлтые, кривые зубы:

– Бе-е, бе-е... Поторопитесь, Аристарх Владленович... Серебристый «Бе-ентли» уже у подъезда ожидает вас...

Граф повернул на груди сверкавший алмазами орден. Аристарх не понял, куда подевались странные пришельцы. У подъезда стоял роскошный серебристый «Bentley», за рулём которого с невозмутимым видом восседал бультерьер в морской фуражке и в белых перчатках. В зубах у собаки дымила трубка. Аристарх протянул руку к дверце автомобиля, но водитель-бультерьер опередил его. Выскочил из машины и подобострастно кланяясь, распахнул перед ним дверцу, приглашая садиться в шикарный салон, застеленный коврами.

Прижимая к груди кейс, Фон-Гумилевич уселся на сиденье, бультерьер плавно прикрыл дверцу, сел за руль, надавил на клаксон, и «Bentley» рванул с места...

...От громкого телефонного звонка Аристарх проснулся, пришёл в себя, жадно посмотрел по сторонам, ища взглядом кейс с деньгами, грамоту, сигары, футляр с губной гармоникой, графин и стакан с водой. Кроме мятой упаковки из-под принтерной бумаги и мокрой салфетки на столе ничего не было. На розовой обёртке он машинально прочитал: «The premium document paper». Аристарх лихорадочно выдвинул ящик компьютерного стола. В нём лежали черновики старых рукописей, неизвестно откуда взявшиеся лист картона с изображением пожарного щита, пачка дешёвых сигарет «Прима» и глиняная игрушка-свиристелка. До него, наконец, дошло, что всё было сном, наваждением. Он разочарованно и горестно вздохнул, с затаённой, заматеревшей в душе тоской по богатству процитировал:

– Мечты, мечты! Где ваша сладость?!

Лужица воды поблёскивала на журнальном столике. Мокрая салфетка... Упаковка от бумаги... Плакат... Сигареты... Свиристелка... Откуда взялись они? «Наверно, уборщица заходила, а я и не слышал», – подумал Фон-Гумилевич. Неотрывно глядя на салфетку, мокнувшую в лужице воды, на разорванный пакет из-под бумаги, а главное, на противопожарный плакат, детскую игрушку и сигареты без фильтра, какие Аристарх никогда не курил, Аристарх машинально поднял трубку.

– Алло... Аристарх! Звоню, звоню тебе... Ты куда пропал? – услышал он простуженный голос ответственного секретаря Рябинина, временно исполнявшего обязанности главного редактора газеты. – Поезжай в мэрию... Там сейчас начнётся заседание городского совета депутатов с повесткой дня «Где взять деньги – три миллиона рублей на погашение долга за газ?». Как бы наши чиновники не оставили город без отопления... Подготовь статью на тему «Куда ушли деньги из козлодоевского бюджета, выделенные на оплату за газ?». Тут хищениями в особо крупных размерах пахнет... Твоя тема... Криминальная...

– Хорошо, Александр Никитич... Я тотчас иду...

Фон-Гумилевич понюхал сигареты: от них пахло плесенью застарелого табака. Он задумчиво повертел пачку в руках, ломая голову, откуда она взялась в его столе, и выбросил в мусорную корзину. Подошёл к окну, раздвинул шторы и выглянул на улицу. Сыпал мелкий снежок. Стайка воробьёв облепила растопырившийся голыми ветвями унылый клён. В стеклянные двери магазина «Хозтовары» обыденно входили и выходили покупатели.

У подъезда редакции, отмеченного рекламной вывеской «Бизнес-Козл», поплёскивал эмалью серебристый «Бентли» с тонированными стёклами. У Аристарха перехватило от волнения дыхание. Он быстро оделся, сунул в карман диктофон и бегом устремился из редакции. Ему не терпелось узнать, кто сидит за рулём дорогого автомобиля. Когда он выбежал из подъезда, на том месте, где ещё минуту назад стоял престижный «Bentley», тархтел мотором старенький «Запорожец» кирпичного цвета. За рулём выдавшей вида малолитражки сидел бородатый дед в полушубке, в ондатровой шапке и курил трубку. Из приоткрытого окна передней дверцы выглядывала лохматая морда вислоухой дворняги...

ГЛАВА 12

День чёрных ангелов

От редакции «Бизнес-Козл» до мэрии если и не рукой подать, то и не более десяти минут ходу. Маршрутные такси в сторону городской администрации сновали одно за другим, но расстояние в две автобусные остановки, разделяющие указанные выше учреждения, Аристарх Фон-Гумилевич решил преодолеть пешком. На то у него были причины.

Во-первых, Аристарху хотелось не торопясь пройтись, под впечатлением слишком уж памятного сна подольше не расставаться со сладостной мечтой без всяких усилий заполучить миллион, почти осязаемо бывший в руках. Он всё ещё ощущал в них приятную тяжесть кейса, битком набитого деньгами. Кабы взаправду! Делов-то! Передать взятку Потапенкову и получить миллион! Целое состояние! Перед глазами, как наяву, краснели тугие пачки пятитысячных банкнот, запихиваемые в ящик стола. Как жаль, что всё оказалось не реально. И назначение на должность редактора тоже бред... Надо же! Граф Сивопупов-Крымский! Ваше сиятельство! Куратор... Академик... И эта обворожительная красотка с ним... Ассистентка с вороной! Доктор психологии... Привидится же такое! А жаль... Случись это же самое в действительности, охотно выполнил бы столь завидное и выгодное поручение. Чёрт с ним, с Потапенковым! Отдал бы чемоданчик с деньгами, и пусть бы его потом хоть арестовали, хоть в бетон закатали! «Мне-то что? А не бери взятку! Мог бы и отказаться, не брать... Его проблема... Эх... Кабы взаправду», – взрыхля ботинками рыхлый снег на тротуаре, огорчённо вздыхал Аристарх.

Во-вторых, у Аристарха не было денег на проезд. Для очистки совести он порылся в карманах пальто в поисках мелочи, не нашёл в них ни одной монетки и, убедившись в том, продолжил путь. А и сыскалась бы кой-какая мелочишка, Аристарх всё равно пошёл бы пешком. Двадцать рублей – деньги не лишние, не стал бы тратить на «маршрутку». Аристарх в душе сознавал это и потому не очень расстроился, не найдя в карманах мелочной суммы.

Свои стопы Аристарх, как мы помним, нехотя направил в мэрию, где скоро должно было начаться заседание городского Совета депутатов, о чём загодя было сообщение в газете «Бизнес-Козл» под кричащим заголовком: «Не дадим олигархам грабить народ!» По дороге в мэрию Аристарх придумывал вопрос поумнее да позакковыристее, который задаст председателю горсовета Бадейкину. Изобразив из себя выдавшего вида журналистского «волка», важно спросит: «Итак, господин Бадейкин, превратятся ли ваши депутаты, именуемые в народе “слугами народа”, в обыкновенных обывателей,

если их внезапно лишит коммунальных услуг?» Мысль о показушной активности народных избранников показалась если не гениальной, то вполне актуальной, и Фон-Гумилевич, мысленно развивая её, решил с неё начать предстоящее интервью. Он скажет: «Если сегодня отключить общественному деятелю газ, электричество, отопление, холодную и горячую воду, закрыть канализацию, то завтра он превратится в заурядного обывателя-жалобщика. Это аксиома, не требующая доказательств. Вы согласны, господин Бадейкин?» Ну, тот, понятно, в замешательстве, и новый вопрос ему прямо в лоб, «на засыпку»: «Что толкает предпринимателя, бизнесмена, успешного человека выдвигаться кандидатом в депутаты: цель к обогащению, льготы, коррупционные связи или... желание бескорыстно помогать своим избирателям в их жалобах?» Бадейкин начнёт мяться, изворачиваться, придумывать доводы, ссылаться на занятость, а тут ему и последний вопрос: «Как случилось, что город задолжал за газ? Квартиросъёмщики исправно платят за него, и вдруг миллионы долга... “Где деньги, Зин?” Как думаете решить этот вопрос на сессии горсовета?»

Пока Аристарх, занятый творческими мыслями, телепается в мэрию по заданию и. о. редактора Рябинина, вкратце расскажем читателю о событиях двухлетней давности, предшествовавших этому заседанию. А дело в Козлодоевске пару лет назад обстояло так: во всю ширь в этом провинциальном городе развернулась агитационная кампания по выборам главы муниципалитета. Несколько партий, общественных организаций и движений выдвинули своих кандидатов на пост мэра. Лоснящиеся, самоуверенно улыбающиеся физиономии, холёные рожи, тупые морды, нагло-хамские хари, хитромудрые сытые лица смотрели с заборов, со стен, с балконов и с баннеров, портреты страждущих власти висели на дверях магазинов и в... привокзальных туалетах. Каждый кандидат изо всех сил распинаялся в своей исключительности, обещал Козлодоевску «манну небесную, золотые горы и реки, полные вина», клялся в исключительной честности и бескорыстии. Прежний мэр Жлобов исправно выполнял обязанности главы администрации города. Бесперебойно работал общественный транспорт, в квартирах было тепло, из кранов текла холодная и горячая вода, дворники мели улицы, в магазинах и на рынках шла бойкая торговля. Но козлодоевцев ошеломляли цены на услуги ЖКХ, которые росли пропорционально непомерному аппетиту коммунальщиков, энергетиков и прочих узаконенных мародёров, и как грибы после тёплого летнего дождя вырастали на окраинах Козлодоевска огромные дома-дворцы этих самых «руками водящих» чиновников. В магазины многие простые горожане тоже ходили как на экскурсии в музей: не купить, так хоть посмотреть на дорогущую мебель, на недоступные из-за высоких цен товары первой необходимости и продукты питания, на фрукты и лекарства. Особенно страдала самая незащищённая часть козлодоевского общества: пенсионеры, инвалиды, матери-одиночки, живущие, а вернее сказать, прозябающие на мизерные подачки государства. Миллиардеры, занявшие министерские кресла, во всеуслышание громко хлестались с экранов телевизоров о прибавках к пенсиям аж на... шесть процентов с такого-то месяца. И тотчас предприниматели всех уровней взвинчивали цены на пятнадцать-двадцать процентов. И бабуся с зажатými в кулачки копеечками, завязанными в платочки, вздыхали в отчаянии, проклиная трепача, будь то министр или другой такой же болтун:

– Провались ты со своим повышением пенсии. Пусть бы оставались прежние цены...

Не понимают праведные бабуся: прибавку к их жалким пенсиям делают умышленно, чтобы хитро отобрать у них последние крохи за счёт повышения цен.

– Одной рукой дают, другой забирают... ещё больше, – возмущаются пенсионеры.

– Жульё у власти... Олигархи... Наш-то мэр Жлобов заодно с ними...

– Гнать Жлобова в шею! Самовыдвиженца Потапенкова надо избрать... Кандидата от народа.

Воскресное утро в день выборов было морозное, со жгучим ветром. Самоуверенная молодёжь, выглянув в заиндевелое окно и, поёживаясь от мысли, что надо тащиться на избирательный участок, преспокойно и дальше нежилась в нагретых постелях.

– Без нас всё решено... Выберут Жлобова, – рассудила безалаберная молодёжь. Бабушки и дедушки, в отличие от внуков и внучек, не поленились встать пораньше. Кутаясь в полушубки и шали, в валенках, они вышли из домов и, наперекор вьюге и назло ненавистным богачам, заторопились отдать голоса за достойного народного кандидата. Их единодушие не было тщетным. Ко всеобщей радости «низшей прослойки» общества и злопыхательному брюзжанию богачей, воротил бизнеса и мелких лавочников, большинством голосов был избран самовыдвиженец Потапенков. Не прошло и нескольких месяцев, как горожане заметили разительную перемену в сфере обслуживания и ком-

мунальных услуг. Начались перебои в холодном и горячем водоснабжении, чуть теплились батареи парового отопления, часто отключали газ и электричество. Якобы за долги...

– Губернатор и его губернская клика жуликов никак не могут смириться с избранием Потапенкова на пост главы Козлодоевска, – понимающе делились новостями избиратели. – Это они вредят ему.

Через год-полтора обстановка в Козлодоевске более-менее нормализовалась. Доверчивые горожане наивно полагали, что их избранник сумел-таки справиться с насущными бытовыми проблемами, обломал борзых дельцов и нашёл финансовые средства для затыкания дыр в тощем городском бюджете. И невдомёк было им, простофилям, что латать эти самые «дыры» Потапенкову помогал главный козлодоевский хапуга, вор «в законе», бизнесмен Голопузов «со товарищи». Этот «узаконенный» ворюга, по которому тюрьма плачет горячими слезами, приятель губернатора, и его «шестёрки» – владельцы гостиниц, ресторанов, баров, магазинов-супермаркетов – не за красивые глаза дали Потапенкову готовые путёвки на отдых за границей, подарили двухуровневую квартиру в престижном микрорайоне «Изумрудный», загородный дом и шикарную машину. За эти «незначительные» подачки, как говорили промеж себя жулики-предприниматели, ибо в природе никогда не было, нет и быть не может честного бизнесмена, они с разрешения Потапенкова расхватали в самых живописных местах землю, принадлежащую городу. Лесопарковые, заповедные уголки по берегам реки, где любили отдыхать горожане, собирать грибы, ловить рыбу, вдруг стали частными владениями богатеев, большей частью иногородних. Так бы и продолжать Голопузову и «компании» сосать худой козлодоевский бюджет, «рулить» прикормленным мэром и выдаивать последнее из поредевших природных ресурсов, но у Потапенкова разыгрался аппетит: он потребовал купить ему дом на Кипре. «Братки» собрались на сходку. «Пора обломать ему рога», – решили они. И у Голопузова созрел план, как завалить негодного мэра.

Итак, многоуважаемый читатель, вы теперь, конечно, ясно представили себе затхлую козлодоевскую атмосферу и, вероятно, даже примерили её к социально-экономической, культурно-бытовой обстановке в своём населённом пункте. И не пытайтесь уверить, что ваши судьи, работники прокуратуры, адвокаты, следователи, инспекторы ДПС, налоговики, пожарники, таможенники и прочие чиновники-шкуродёры не берут взятки! Ха-ха! Оставьте ваши иллюзии... Берут! И ещё как берут! Когда у власти воры-олигархи, присвоившие себе национальные богатства страны, принадлежащие всему народу, то можно ли надеяться, что, глядя на них, не соблазнится пачкой долларов или чемоданчиком, полным «зелёных», какой-нибудь потапенков? «Рыба гниёт с головы», – гласит народная мудрость. Но как? Как оторвать у неё вонючую башку, пока не протухла вся рыба целиком?! Ведь это не рыба голова! Это гидра с несколькими зловредными головами! Отрубишь одну – на её месте сразу вырастет другая, ещё более злобная и жадная до людской крови. Она, как раковая опухоль, – тронь, и начинает разрастаться. Вот как бы все живучие головы этой отвратительной гидры уничтожить одним разом!

– Как жаль, что Чебаркульский метеорит упал на Челябинск... Вот было бы здорово, если бы он грохнулся на Госдуму, – мечтательно рассуждают на лавочках у подъездов убелённые сединой ветераны. – На этих демагогов, спящих на сессиях, получающих огромные деньги за свою никчёмную трепотню, под себя законы пишущих... На всяких там шуваловых, прохоровых, лужковых, батуриных, сечинных, чубайсов...

Заведующий отделом «Криминальной хроники» газеты «Бизнес-Козл» Аристарх Фон-Гумилевич совсем не тяготился мыслями о переделе общественного строя. Ещё учась в университете на факультете журналистики, студент Фон-Гумилевич знал: преуспевающие люди – нефтяные и газовые магнаты, владельцы золотых и алмазных приисков, рудников, шахт, заводов, аэропортов, морских и речных судов, торговых и прочих предприятий. «Я тоже хочу преуспеть и быть богатым», – решил Фон-Гумилевич и стал литературным сотрудником газеты «Бизнес-Козл» с мизерной зарплатой. Такие безрадостные, приземлённые мысли, далёкие от переворотов и бунтов, от баррикад и революций, тяготили Аристарха по дороге в мэрию.

Когда журналист Фон-Гумилевич вошёл в зал заседаний, там творилось что-то невообразимое. Можно было подумать, что в свору голодных собак бросили кость и ни один из псов не собирался её уступить. Депутаты кричали, вскакивали с мест, швыряли друг в друга сырыми яйцами, гнилыми помидорами, плевались, вцеплялись в волосы. У некоторых, самых активных и деятельных, были расквашены носы и под глазами красовались синяки. Вдруг Аристарх увидел стоящих у стены фран-

товатого старика с орденом на чёрном фраке и красивую даму в длинном платье из тёмно-синего бархата, с глубоким декольте. На соболином мантио, наброшенном на её обнажённые плечи, копошилась сизокрылая птица, а проще говоря, обыкновенная ворона. Из глаз бесовского вида троицы, казалось, сыпались искры. Злорадно усмехаясь и поигрывая тростью, старик оглаживал шерстистое лицо, пощипывал редкую седую бородёнку и довольно скалился кривыми зубами. Дама беззвучно тряслась от смеха, и ворона взмахивала крыльями, чтобы удержаться на её плече. Аристарх изо всей силы ущипнул себя, убеждаясь, не продолжается ли его фантастический сон. Ойкнув от боли, он вперился взглядом в графа Сивопупова-Крымского и его ассистентку, наблюдая за сумасбродными действиями нечистой силы. Не оставалось сомнений, что кавардак и бесчинства в зале заседаний, бесспорно, устроили эти двое. Что-то рьяно доказывая с пеной у рта, задыхаясь в потасовке, депутаты с непристойной руганью кидали друг в друга обломки мебели, туфли, ботинки, показывали один другому языки и приставляли ко лбу пальцы, изображая из себя рогатых козлов. В эту минуту они напоминали японских парламентариев, у которых традиционно лучшим аргументом правоты является стул, расколоченный на голове оппонента. Возле головы Аристарха просвистела шальная бутылка, с глухим стуком ударилась в мозаичное панно «Сталевар и ткачиха», со звоном покатила по натёртому до блеска паркету. В «сталевара» припечаталось яйцо, потекло по его мужественному лицу, обжаренному пламенем расплавленного чугуна. Помидор шлёпнулся в алую косынку «ткачихи». В хаосе и кутерьме происходящего трудно было понять, откуда были брошены предметы яростного спора, ставшие популярными атрибутами подобных заседаний. Раздавались визгливые непристойные выкрики:

- Это ваша фракция украла деньги из бюджета на газ!
- Нет! Это вы вместе с Потапенковым разбазарили народные деньги! Идиоты!
- Сам дурак! Погодите, уроды, найдём на вас управу!

Аристарх, не желая стать мишенью, с предосторожностями пробрался на задний ряд пустующих кресел. Отсюда, с некоторой возвышенности, как с театральной ложи, отлично просматривалась неутихающая «битва титанов» – народных избранников. Неизвестно, кто и когда, язвительно, в насмешку, прозвал их «слугами народа». Очень остроумно! Пикантно! В чувстве юмора автору не откажешь.

На подиуме, за столом президиума восседали мэр Потапенков и председатель горсовета Бадейкин.

Большинство на сессии представляли депутаты-«братки» Голопузова. Они размахивали плакатами с небрежно намалёванными надписями: «Потапенкова – в отставку!», «Даёшь досрочные выборы мэра!». Их противники, не оставаясь в долгу, потрясали транспарантом: «Председатель горсовета Бадейкин – марионетка Голопузова!»

Председательствующий на сессии горсовета Бадейкин постучал по бутылкам с минеральной водой автомобильным ключиком, призывая к тишине, прохрипел в микрофон:

– Товарищи депутаты! Простите... Господа депутаты! Прошу соблюдать порядок в зале и регламент выступлений. На повестку дня предлагаю вынести для обсуждения следующий вопрос...

– Купить бугая! Не буду колхозных коров огуливать я! – пробасил кто-то развязным голосом. Зал взорвался диким хохотом и оглушительными аплодисментами.

– Нет, господа товарищи... Гм... Извините... Товарищи господа... Так работать невозможно... Своими выходками вы срываете работу сессии... Это, считаю, происки противоборствующей стороны...

– Давайте скорее объявляйте повестку дня! Что там у нас? Долги за газ? Вынесем решение побыстренькому и разбежимся, а то невтерпёж как в туалет хочется...

– Пиво не надо пить перед заседанием! По заявлению нашего благодетеля господина, гм, товарища Голопузова нам следует положительно решить вопрос о выделении ему земельного участка в запоевном кедровом бору площадью...

В зале зашумели, затопали ногами.

– Метр на два ему выделить! На кладбище!

– Хрен ему! Кукиш с маслом! А хуху не хохо этот ваш Голопузов?! Уже везде всё позастроил своими коттеджами... Всё ему земли мало! Сдохнет – накушается её вволю!

– Когда мы, наконец, решим вопрос о преобразовании городского пляжа в нудистский? Весна не за горами... Нудисты требуют принять решение по этому важному вопросу безотлагательно. Только

абсолютно голый человек по-настоящему свободен от предрассудков и условностей! В нагом теле – нагой дух!

Бурные, продолжительные аплодисменты нудисту.

– Партия лесбиянок раньше других обратилась в горсовет с предложением разрешить в Козлодоевске регистрацию однополых браков, – вскочила с места размалёванная блондинка в блузке до пупка, в коротенькой юбочке и в глистообразных, выше колен сапогах. – Во всех продвинутых цивилизованных странах давно решён этот жизненно важный, остро наболевший вопрос... А у нас? Рутинка! Бедлам! Бюрократия! Попустительство! Стыдно, господа-товарищи!

Депутаты дружными аплодисментами поддержали эмоциональное выступление ярко напомаженной девицы. Слышались одобрительные отзывы:

– Вдохновенно! Возвышенно! Актуально!

Ободрённая успехом, лесбиянка обрушилась с резкой критикой в адрес полиции:

– Безобразия! Где справедливость? Хочу спросить у депутатов: почему менты повешали на свои машины голубые номера, а нам не разрешают цеплять розовые?

Любители пива выдвинули свои требования под девизом: «In pivo veritas!» Истина в пиве! Они дружно скандировали:

– Пи-во! Пи-во! Прекратить продажу кислого и прогорклого пива! Позор продавцам, разбавляющим пиво водой! Губит людей не пиво! Губит людей вода! Пи-во! Пи-во!

Аристарх, пристально наблюдавший за графом и его спутницей, увидел, что они степенно поднялись по ступенькам на сцену зала заседаний. Там, в углу, за приспущенным занавесом, поблёскивал лаком чёрный рояль с поднятой крышкой.

«Откуда, чёрт меня возьми, там взялся рояль?» – подумал Аристарх, прикладывая ладонь к горячему лбу. В ухе у него запищало, тонко зазвенело, проблеяло:

– «Бе-е... Возьмём и тебя... Бе-е...»

– Наваждение... Это они... Граф-куратор и доктор психологии с вороной... Аферисты-иллюзионисты... Мокрая салфетка... Свистулька... Не сон то было... – бормотал Аристарх, сдвигая виски ладонями. – Что со мной? Уж не схожу ли я с ума?

Тем временем Сивопупов-Крымский и Виола взошли на сцену. Граф галантно, сверкая орденом и золотым набалдашником трости, поклонился враз притихшим депутатам, разинувшим рты. Виола сделала реверанс, прошла к роялю и, усевшись на стул, принялась как ни в чём ни бывало перелистывать ноты. В мгновенно наступившей мёртвой тишине было слышно шуршание листов под её пальцами. Ворона спорхнула с плеча Виолы на стол президиума, важно прошлась по нему и прямо перед Потапенковым наложила кучку помёта, чем вызвала смешки в зале.

– Внимание, господа-товарищи, – постучал граф тростью по трибуне. – Позвольте представиться: граф Сивопупов-Крымский, главный дирижёр главного симфонического оркестра главного театра... За роялем лауреат международных конкурсов пианистов непревзойдённая Виола Обнорская...

– Что-то не знаем такого оркестра, – раздался насмешливый возглас из дальнего ряда кресел. – И вообще, у нас сессия, а не симфонический концерт...

– Это кто сказал? Нудист? – указал граф тростью куда-то в зал. – Идите сюда нагишом, спойте и спляшите нам «калинку-малинку».

К немалому удивлению депутатов, о чём свидетельствовал громкий вздох, на сцену торопливо взбежал пожилой бородатый мужчина с брюшком, сбросил с себя одежду и, оставшись «в чём мать родила», под аккомпанемент рояля, подпевая себе, лихо отплясал «калинку-малинку».

– Очень хорошо... Бе-е... Ступайте на место, – похвалил граф. – Кто ещё не знает главный симфонический оркестр? Нет таких... Тогда начнём наше заседание... Вы все до единого пожелали стать слугами народа для того только, чтобы, используя служебное положение и депутатский мандат, урвать для себя побольше... Вот вы... Я к вам обращаюсь, Яков Моисеевич... С какой целью решили стать слугой народа?

Граф повелительно взмахнул тростью. Толстобрюхий, красномордый депутат, владелец продовольственного супермаркета, живо вскочил, польщённый тем, что главный дирижёр главного симфонического оркестра назвал его по имени-отчеству, с готовностью ответил: – Я-то? Из одного лишь скромного желания ещё больше обогатиться... Пользуясь доверием избирателей, надеюсь заполучить в собственность Дом культуры и переделать его в магазин... С мандатом депутата это проще сделать...

– Бе-е... Бе-есподобно... Благодарю, Яков Моисеевич, за честное признание... Верю, что все остальные депутаты также вынашивают в душе сугубо корыстные цели. Бе-е... – помахивая тростью, лукаво щерясь в улыбке, проблеял главный дирижёр. И трость, и брызгающие у него из глаз зеленовато-жёлтые искры производили на присутствующих магическое действие. Заворожённые депутаты, примолкнув, неотрывно глядели на графа, как смотрят кролики на разинутую пасть удава, прежде чем со страху прыгнуть в неё.

– Да, мы все здесь ради своих корыстных интересов...

– Мы притираем уши своим избирателям, будто заботимся о них... На самом деле только и думаем о личной выгоде, о том, как захватить то, что ещё не расхватили другие, более ушлые мошенники, – восторженно кричали депутаты. Откровенные ответы нечестивцев понравились графу. Лукавая, подленькая улыбка не сходила с его мерзопакостного лица. Столь же коварно улыбается крокодил, скрытно подплывая к антилопе, пьющей из реки воду. Ощерившись безобразными зубами, граф удовлетворённо произнёс:

– Бе-е... Бе-езумно рад... В нашем полку, как говорится, прибыло... Все вы здесь отпетые мошенники, гнусные воры, лукавые обманщики, подлые клеветники и доносчики, грязные развратники... Бе-е... Бе-ессовестные взяточники, коррупционеры, вымогатели, расхитители... Но я не осуждаю вас... Нет... Напротив... Бе-е... Бе-езмерно счастлив, что вы так угодливо служите не народу, а мне, Люциферу-Сатане... Вас ошибочно называют слугами народа... В действительности же, как вы сами не отрицаете, своими бе-е... бе-есчестными, а порой преступными деяниями вы стали верными моими слугами.

Граф обвёл всех пристальным искромётным взглядом и взмахнул тростью.

– Скажите, кому поклоняетесь чаще – Богу или Сатане?

– Сатане! – в один голос вскричали депутаты.

– Что вам больше по душе – Христовы заповеди или соблазны лукавого Сатаны: золото, деньги, сластолюбие?

– Золото, деньги, сластолюбие! – отвечали из зала.

– У вас на руках депутатские мандаты, но они не дают вам беспрепятственно совершать беззакония. Сегодня, в день чёрных ангелов, они заменяются на удостоверения слуг Люцифера, с которыми можете смело творить безобразия в Козлодоевске.

По рядам депутатских кресел пробежал изумлённый шепоток, переходящий в громкий, с возгласами восхищения говорок: депутатские мандаты превратились в изящные удостоверения в красной сафьяновой обложке. Тиснёная на них золотом надпись гласила: «Удостоверение слуги Люцифера». Потрясая ими, депутаты восторженно кричали:

– Слава Сатане! Да здравствует день чёрных ангелов!

– Ура! Теперь мы вдосталь, по полной программе насладимся полномочиями, – выражали восхищение депутаты и рукоплескали графу.

– Ура! Слава Люциферу-Сатане!

Аристарх, поддавшись общему ажиотажу, не задумываясь, хлопал в ладоши, сожалея, что не удостоился чести быть избранным в депутаты горсовета. Сивопупов-Крымский, легко обретя посулами бесчестной наживы столь многих поклонников лукавства, с завидной ловкостью жонглёра вращал трость. Когда шум в зале поутих, он обратился к единомышленникам с назидательными словами:

– Помните, друзья, истину: Я, светоносный Люцифер-Сатана, владычествую над всем человечеством, ибо вы сами, по доброй воле встаёте на нечестивый путь и поклоняетесь мне. И где предел времени, когда люди образумятся, изберут для себя праведный путь? Неизвестно! Пользуйтесь же, друзья, благами, которые я вам дарую. Любите золото, бриллианты, роскошную жизнь, ради которой не щадите ближнего своего. Крадите, обманывайте, лжесвидетельствуйте, убивайте противников своих в борьбе за деньги и власть. Да будет так! Амен!

– Амен! Амен! Амен! – стоя, вскидывая руку подобно фашистскому приветствию, скандировали слуги Люцифера. Когда все народные избранные, взбудораженные происходящим, чрезмерно возбуждённые и полные решимости немедленных энергичных действий, уселись в кресла, граф, поигрывая тростью, предложил проверить, как на деле новообращённые его слуги постараются оправдать доверие нечистого духа.

– Слово для выступления предоставляется председателю горсовета, – объявил Сивопупов-Крымский. – Прошу кратко, по существу, с соблюдением регламента. – Граф указал тростью на Бадейкина. – Дайте... Бе-е... Бе-езапелляционный ответ оппозиции... В эмоционально-аморальной форме...

– Вот мой ответ противникам Потапенкова! – С этими словами Бадейкин с вызывающим видом снял штаны, повернулся задом, нагнулся и похлопал себя ладошкой по голому сидищу. Поддёрнул штаны и промаршировал по сцене, командуя себе: «Ать, два! Ать, два!»

– Бе-е... Бе-есподобно... Ответ достойный! Бе-е... – прокомментировал граф «выступление» Бадейкина. – Прошу на трибуну следующего самого бе-е... бе-ес-совестного, бе-еспутного и бе... бе-еспардонного...

Никто из присутствующих не озадачился, почему работой сессии руководит неизвестно откуда взявшийся и никому не ведомый главный дирижёр главного симфонического оркестра главного театра, граф в чёрном фраке с белым галстуком-«бабочкой» на белоснежной сорочке и с восьмиконечной звездой на лацкане. Виола самозабвенно исполняла Пятую симфонию Баха. К трибуне вышел упитанный, с розовыми щеками, с хитро бегающими глазками начальник полиции на-астоящий полковник Протасов, неофициальный хозяин сети ресторанов и кафе – весь этот прибыльный бизнес принадлежал его зятю, живущему в Майами. Депутат Протасов совмещал депутатство с пользой работы в полиции.

– От имени всех слуг выражаю искреннюю благодарность и нашу общую признательность владыке тёмного мира и повелителю чёрных ангелов его величеству Люциферу-Сатане!

Бурные, долго не смолкаемые аплодисменты перешли в овации. Слышались выкрики:

– Слава Сатане! Праведники – лохи! Да здравствует день чёрных ангелов!

Сивопупов-Крымский покрутил тростью, в зале стало тихо, и граф, поклонившись, удовлетворённо произнёс:

– Бе-е-змерно счастлив, господа-товарищи... Бе-е... Продолжайте вашу возвышенную речь, – кивнул граф оратору, ожидавшему соизволения говорить.

– Господа! Товарищи! Предлагаю вынести на обсуждение следующий вопрос, – приосанившись, начал Протасов, – выделить нашему уважаемому благодетелю Голопузову необходимую ему площадь в заповедной кедровой роще... Он обещает подарить детдому забракованную одежду и уценённую обувь из магазина «Second-hand».

Поднялся гвалт, раздались оскорбительные выкрики в адрес оратора, в него полетели тухлые яйца, гнилые помидоры, рваные башмаки и пивные бутылки. В общем шуме можно было разобрать лишь некоторые, похожие на вопли, истеричные выкрики.

– В заказнике избёнка старца Феодора... Он фанат леса, по доброй воле охраняет кедровник... Куда податься ему, если там выстроит свои хоромы Голопузов?

– Это кто там такой жалостливый? Мы законные слуги его величества Люцифера... Какое нам дело до фаната леса? Вопрос в другом: нам самим скоро ничего не достанется! Мы тоже хотим урвать кусок от заповедного пирога... К чёрту Голопузова! Пусть катится ко всем чертям! Дерьма ему собачьего на лопате!

Сивопупов-Крымский, злорадно ухмыляясь, взмахнул тростью, тотчас воцарилась почти гробовая тишина, и граф торжественно объявил:

– Продолжаем концерт по случаю дня чёрных ангелов! Следующим номером нашей сатанинской программы исполнение народных песен под аккомпанемент рояля! На сцену приглашаются гомосексуалисты!

Виола с вдохновением ударила по клавишам старинного музыкального инструмента, ободранного и ужасно расстроенного. Зазвучала бравурная мелодия из кинофильма «Небесный тихоход». Граф дирижировал, взмахивая тростью. Трое слуг Люцифера, так называемых депутатов, обнявшись и с молодецким задором, запели:

Мы олигархи, педерасты, парни бравые,
Мы захватили нефть и газ, и наше дело правое,
Мы грабим весь народ страны,
Такие нам права даны,
Гребём лопатами мы деньги из казны!

Зал взорвался аплодисментами. Все встали, в иступление кричали хором, вызывая исполнителей на «бис». Сивопупов-Крымский с видом незаурядного конферансье, поднаторевшего на концертах, объявил:

– Поёт хозяин нефтеперегонного завода!

Рояль забренчал знакомой всем с детства мелодией из мультфильма про Чебурашку и Крокодила Гену. Самодеятельный артист азартно, самозабвенно запел:

Пусть плывут неуклюже
По бензиновым лужам
Миллиарды народных рублей
В заграничные кассы,
Всё богаче там массы,
Ну а здесь я плевал на людей!
Почему я весёлый такой?
Потому, что «депутаты» –
Это ложь всё и обман,
На трубе сию в России,
Нефть течёт в карман!

Зрители, гордые полученными удостоверениями слуг Люцифера, долго рукоплещут солисту. Из-за кулис вышли нарядные девочки-гимназистки, неизвестно кем приглашённые, с букетами роз, вручили цветы главному дирижёру главного симфонического оркестра главного театра.

– Сессия городского совета была плодотворной, – поднял трость Сивопупов-Крымский. – В каждого депутата вселился мой всемогущий дух. Вы всегда будете помнить, что продались мне, лукавому Люциферу-Сатане... Успехов вам в грешных делах!

– Карр... В грешных делах... Карр... Прро-дались...

Ворона захлопала крыльями, сделала кучку птичьего дерьма на столе президиума прямо под носом Потапенкова и взлетела на плечо Виолы. У мэра, не проронившего за всё время «сессии» ни слова, зазвонил сотовый телефон. Он поднёс его к уху и услышал:

– Ты решил вопрос по моему заявлению на заказник «Кедровый бор»? Надеюсь, все депутаты единогласно «за»?

– Нет, Родион Алексеевич... Не решил... Депутаты все против... Граф Сивопупов-Крымский концерт давал...

– Идиот! Какой ещё граф? Какой, к чёрту, концерт? Я тебя даром, что ли, в Испанию катал? Квартиру, коттедж, иномарку новенькую тебе дал... У тебя даже на инаугурацию костюма приличного не было... Я тебе купил... За газ как думаешь платить? Отключим к едрене фене... Короче... Решение о выделении мне земельного участка в заказнике «Кедровый» должно быть подписано...

– Никак невозможно, Родион Алексеевич... Депутаты категорически возражают...

– К чёрту депутатов! Сам подпиши!

– Нарушение закона... Не могу, Родион Алексеевич, при всём уважении к вам...

– А до этого мог? Мне тебя учить, как делать «липу»? Подпишешь... Сегодня в семнадцать ноль-ноль явишься на «Вамирекс»... Капитан, мой человек, выдаст тебе три миллиона рублей... Не за здорово живёшь, а за твою пустяшную подпись... Отдашь ему документы на передачу мне в личное пользование заказника «Кедровый»...

– Да, конечно... Всё сделаю, Родион Алексеевич!

– Так бы сразу и сказал, что какать хочешь... Вымогатель... Дом ему на Кипре подавай! А то: «Не могу...» Долг города за газ я оплачу... Из своего кармана. Не забудь: в семнадцать часов на «Вамирекс». Всё... Конец связи... Идиот...

Задвигались стулья, захлопали спинки сидений, депутаты двинулись к выходу. Они недоумённо разглядывали цветные глянцевые бумажки с рекламой противозачаточных средств, продаваемых в магазине интимных услуг «Магия любви», непонятно как оказавшиеся у них в руках. Никто из участников заседания не понял, куда подевались граф-дирижёр, дипломантка международных конкурсов и ворона. Так после глубокого и насыщенного событиями сна мы тщетно пытаемся вспомнить его картины и привидевшиеся лица.

– Проклятые иллюзионисты-гипнотизёры, – возмущались «прозаседавшиеся». – Устроили тут представление. Кто их пустил в зал заседаний? Куда только полиция смотрит?

Из всей разношёрстной толпы проходимцев-авантюристов, политических интриганов и всякого сброда дельцов-жуликов, горделиво именующих себя народными избранниками, лишь одному Аристарху Фон-Гумилевичу во всех подробностях запомнился сатанинский балаган. Теперь он ясно сознавал, что и недавний визит в редакцию «куратора» и «доктора психологии» тоже был вполне реальным. Оставленная визитёрами мокрая салфетка и детская свиристелка – факт достоверный. «Гипнотизёры чистой воды, – рассуждал он, не торопясь идя домой. – Предлагали подсунуть взятку Потапенкову – это понятно. Однако куда вдруг исчез “Бентли” с шофёром-бультерьером? И куда делся кейс с миллионом?» Аристарх морщил лоб, напрягая все извилины, но так ни до чего и не додумался. «Этот дурацкий концерт... День чёрных ангелов... Посвящение в сатанисты... Чушь собачья! Иллюзия! Но роля! Явный гипноз! Но кому и зачем нужно было устраивать бесплатную комедию в зале заседаний? А впрочем, кроме концерта, мало что не реально... Все наши депутаты – рвачи, хапуги, коррупционеры...»

Да, было над чем поломать голову заведующему отделом «Криминальной хроники». Что он завтра скажет и.о. редактора Рябинину? Какую напишет статью? Написать о том, что творилось в горсовете, – уму непостижимо! Фельетон «В гостях у Сатаны» просто отдыхает! Да и кто поверит в такую чушь? Всё равно что повторить историю с фельетоном Агафонова... Пропал Валентин Григорьевич ни за что... Как жаль, что именно сегодня ушёл к дантисту корреспондент Редькин... Он любит «жареные» факты...

Аристарх, не желая впутываться в спорные, порой рискованные ситуации по добыванию сенсационных материалов, предпочитал брать готовую, уже проверенную информацию у работников суда и следствия, в прокуратуре, полиции, налоговой инспекции. Чаще всего Фон-Гумилевич публиковал статьи на моральные темы, в ярких красках обрисовывал криминальный путь преступника, осуждённого к лишению свободы, и подписывался псевдонимом «Фемидов». Никакого риска! Напечатал такую душещипательную статью – и спи спокойно. Никто в дверь среди ночи не постучит, не вломится с претензиями на недоказуемость изложенных в ней фактов. Всё уже без него проверили, взвесили, вынесли приговор. Так рассуждал Аристарх, придумывая отговорку для и.о. Рябинина и в который уже раз обрушиваясь с нападками на Редькина: «Ну и угораздило же тебя, Савелий, именно сегодня, в день чёрных ангелов, пойти в больницу!»

– День чёрных ангелов! – засмеялся Аристарх. – Вот выдумщики! Не существует в природе ни чертей, ни чёрных, ни белых ангелов... Есть гипнотизёры, аферисты всех мастей, ворожеи, колдуны, лжецы-предсказатели, астрологи, «специалисты» чёрной и белой магии и другие очковтиратели...

Сказав так, Фон-Гумилевич вдруг остановился, осенённый блестящей мыслью: роля! Его там никогда не было... Аристарху страшно захотелось убедиться, стоит ли по-прежнему громоздкий инструмент в зале заседаний. Он воротился, вошёл в здание мэрии, солгал вахтёру, что забыл перчатки.

В зале заседаний уборщица натирала паркет. Он бросил быстрый взгляд на сцену: роля не было.

– Когда рабочие убрали со сцены роля? – спросил он женщину.

Уборщица удивлённо посмотрела на него.

– Роля?! Здесь не концертный зал... Отродясь не было тут никакого роля. И с чего вы взяли?

«Если это не сон, не мистификация, не гипноз, то на столе должен остаться помёт вороны», – сообразил он. Быстрым шагом, к неудовольствию уборщицы, Аристарх прошёлся по чистому полу, поднялся на подиум, жадно взглянул на лакированный стол: так и есть! Запачкан белым птичьим помётом. Аристарх облегчённо перевёл учащённое дыхание, достал платок, вытер вспотевший лоб.

– Гипнотизёры... Мистификаторы... Факт... Но как им удалось проделать фокус с роляем? И ведь бренькала на нём красотка в бальном платье!

В смятении Аристарх воротился домой, рассеянно ужинал, смотрел по телевизору футбол, невпопад отвечал на вопросы жены. Голову сверлила неотвязчивая мысль: «Но ведь был же роля! Был! И кучка вороньего дерьма на столе президиума – доказательство тому, что была и ворона... Завтра расскажу Редькину об этих подозрительных гастролёрах-гипнотизёрах... Пусть свяжется с полицией... Это его тема... А я наведуясь лучше в нарсуд за очередной историей о пьянице-дебошире...»